

СМЕНА

Антон и его «мальки»
Физика перед «безумным» скачком

БАРАБАН НА ЛУННОЙ ДОРОГЕ
В 800 километрах от Тимбукту...

№ 11 (889)

ИЮНЬ 1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания сорок первый
Выходит два раза в месяц

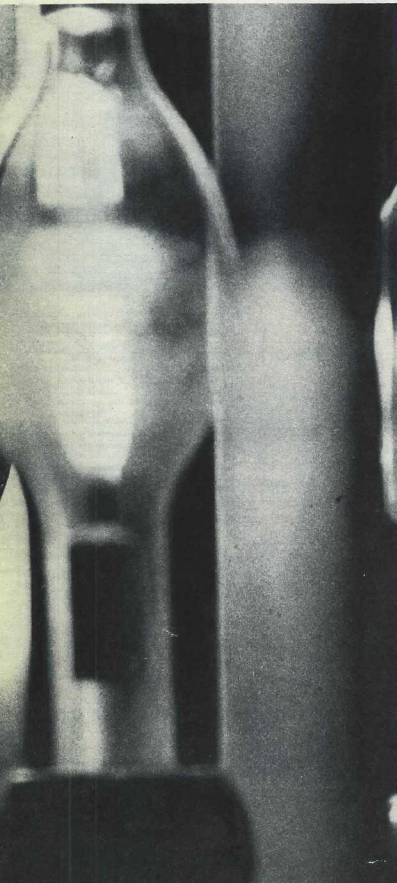
(889)

ИЮНЬ
1934

Часто пишут о творческой лаборатории писателей, художников, артистов — людей, чья профессия тесно связана с творчеством в общепринятом понимании этого слова. Но это несколько ограниченное представление. Любая работа, если только человек предан ей до конца, немалыми без творчества. Тут не нужны особые доказательства, достаточно взглянуть вокруг: все ценное, что создано на земле, — дело рук людей, относящихся к своему труду как к творчеству. С ними мы встречаемся каждый день, но каждая новая встреча оставляет множество впечатлений, о которых хочется и стоит рассказывать.

ПОСЛЫ

А. НИКОЛАЕВ

Фото В. МИШИНА

«НЕ ТРОНЬ МОИ ЧЕРТЕЖИ!»

Он сидит в позе Архимеда, согнувшись на седьмой скамейке, и чертит пруттиком на песке. Так проходит пять минут, десять, еще двадцать. Начинает накрапывать дождь. Я подожму к скамейке, он поднимает голову, и кажется, что он вот-вот крикнет: «Не тронь мои чертежи!» Я и не собираюсь их трогать. Дождь опаснее. Кончается тем, что мы бежим в ближайший подвезд.

Архимед хотел перевернуть земной шар. Дело было за точкой опоры. Мой знакомый не собирается этого делать. Но всякого рода рычаги и законы интересуют его давно, еще со школьных лет. В шестом классе он построил модель линкора, управляемого по радио, и на Всесоюзной выставке юных техников занял первое место. В десять лет он увидел шаровую молнию и с тех пор мучается над загадкой ее природы. Познакомившись с ним поближе, я понял, что он пообидет на грозу только для того, чтобы заглянуть истине в глаза.

Окончив школу, он знал все об Архимеде и Ампере, Ньютоном и Ломоносове; этого было достаточно, чтобы понять, в чем прелесть жизни. Блоки, рычаги, оптика, электричество, магнетизм — вся классическая физика — этого было достаточно, чтобы определить свой собственный путь. В авиационном институте, где физика — наука номер один, перед ним открылся новый мир: его ошеломили перспективны, открытые в физике уравнениями Максвелла, «квантом действия» Планка и гениальными прозрениями Эйнштейна об относительности пространства и времени. Тогда он понял, что наследие Эйнштейна еще по крайней мере сто лет будет давать пищу для беспредельных размышлений: «Да, да! Вы только подумайте: он, опрокинувший своими теориями наши представления о физическом мире, так и не достиг своей конечной цели — выразить все явления природы одним рядом уравнений! Вы понимаете?» Об Эйнштейне он может говорить часами.

На стене его комнаты в студенческом общежитии висит портрет Эйнштейна. Есть и другой портрет — Эдисона. Это предмет особой любви.

Должно быть, потому, что сам Петр Молотов по натуре и по характеру практик. Ему двадцать три года, и ему принадлежит десять патентованных изобретений. Все это сделано за пять лет учения в институте.

Научная работа. До сих пор он боится произносить эти два слова: они ко многому обязывают. А между тем, как я понял, научной работой в истинном смысле он начал заниматься с первого дня в институте. Невосторженных тем, он уверен, в физике нет, потому что ничто не изучено до конца. Для одной из научных работ он взял тему, которая десять лет ходила по аузам и не находила себе надлежащего приюта: за нее не брались, а если и брались, бросали на полдороге. «Странно! Ведь это же очень интересно. И нуно!» Теллер это подтвердил восторженными отзывами специалистов. Все это сделано им в студенческие годы, когда люди, как мы привыкли думать, читают учебники и слушают лекции.

Между прочим, и он слушал лекции и читал учебники, а после, в институтской физической лаборатории, где паяло канфиолую и шушрала чертежи, до утра чертил, паял, чертил, когда не получалось, нашивал арии (он любит оперу), когда модель будущей авиашны подавала первые признаки жизни.

Я зашел сюда, когда в институте прозвучал последний звонок, завершающий последнюю лекцию. Начиналась «вечерняя смена» Петра Молотова. Нет, я не помешаю, я могу смеяться, если мне это интересно. Мне интересно хотя бы потому, что лаборатория физики, какой я здесь ее увидел, скорее напоминала слесарную мастерскую. Должно быть, в подобной обстановке Циолковский и Эдисон делали первые шаги. Тиски, напильники, паяльщик, лампа, электромотор, засаленная спечовка, простейшие приборы, которые можно увидеть в школьном кабинете физики. И книги. Они не блещут великой страницей и чистой обложкой, здесь их часто перелистывают. Справочники по электротехнике и математике, реферативные журналы по физике, англо-русский словарь, «Лабарантыка» Винера, его статьи. Между прочим, в одной из них я прочел: «При-

нимая на себя эту миссию, он соглашается с тем, что награды для него будут служить также ценности, которые никак не связаны ни с его заработком и благополучием, ни даже с его личными качествами. Его вознаграждение состоит в праве участвовать в великих начинаниях человечества.

Читая эти слова, подобно тому, как это делают в математике, когда вместо неизвестной величины подставляют определенное значение, я нахожу место абстрактного человека, о котором говорит Винер, ставил Петра Молотова. И не находил расхождений.

Когда — до нашего знакомства — мне рассказывали о том, что успел сделать Петр Молотов в свои двадцать три года, я, по правде говоря, готовился увидеть чудовищное изображение. И ошибся. Петр Молотов — чуткий парень, с лицом, отнюдь не похожим на лицо затворника-изобретателя, а после его рукопожатия я почувствовал, что записывать наши разговоры мне придется левой рукой. Впрочем, записывать было нечего, нужно было смотреть.

Это было несложно, потому что он сразу погружился в свою работу, и я перестал для него существовать. Хорошо было сидеть в этой комнате, похожей на слесарную мастерскую, и смотреть, как он работает. Сначала он плавил диную цепь сопротивлений, и делал это артистически. Потом пришлось что-то чертить на бумаге, и я не знаю, сколько прошло времени. Я видел только, что сейчас в этом Белом листе ватмана для него заключен весь мир со всеми радостями и невзгодами, с трудностями и победами, страстями и любовью. Аси его жизнь была сейчас в этом листе бумаги.

...Дверь открылась неожиданно. На пороге стоял парень в очень синих брюках. В привычной манере зашел флюи вошел еще один — парфюмерный.

— Петя, маг не твоя, попал! — В руках парень держал моторчик магнитофона. — На твоем. Такие плеченчики достал, попал! Петя...

Петр поднял голову от чертежа и несколько секунд, точно не понимая, смотрел на парня.

— А ну тогда отсюда! Слышишь? Парень ословоно поглядел на него и задом открыл дверь. Когда она закроется, Петр сказал:

— Вы извините, что так получилось. Есть на ше еще вание гарники. Петя лет ходят в институт, как на принудилому. В простой слове разобраться не могут. «Плеченчик, магн...» Инженер!

Честно говоря, я не был бы смущен, если б Петр динил ему по шею. Во всяком случае, это было бы логично.

Хотел сказать, а успеха этой акции я не сомневался: у Петра пять спортивных разрядов. Он знает, что, кроме физики, на свете множество вещей, от которых не стоит отказываться. Сейчас он сполначивает экспедицию в один из самых трудных районов Якутии, к озеру Лабзинскому, о существовании обитателя которого ходят романтические легенды. Между нами говоря, многие ученые предполагают, что это отнюдь не легенды. Стоит риснуть. В составе экспедиции будут врач, инженер, геолог, ботаник. Как же не энтузиасты, как он. Сейчас идет тщательный отбор: в таком деле не должно быть никаких сомнений в моральных и физических качествах каждого участника. Руководитель экспедиции назначен студент пятого курса Куйбышевского авиационного института Петр Молотов. Надеюсь, что теперь они уже отправляются в путь.

Я ДОВЕРЯЮ ВАМ, ДОКТОР...

Мне вовсе не хочется в тысячу первый раз писать о руках хирурга, хотя бы потому, что у него есть и другие, не менее важные достоинства. И все-таки я не могу не сказать, что руки, которые я увидел, поразили меня своей особой, профессиональной красотой. Они созданы для той единственной работы, которую призваны делать.

Мне двадцать три года — не так уж мало и не так уж много: они больше ста раз держали скальпель и больше ста раз сильными и точными движениями надрезали ткань, чтобы остановить болезнь, прервать страдания, вернуть жизнь. Они принадлежат студенту 6-го курса Куйбышевского медицинского института Игорю Денисову.

Рассказывать о нем, отвлечаясь от той единственной работы, которой он посвятил жизнь, нельзя. Он работает 24 часа в сутки, а если бы он было 48, производительность его работы увеличилась бы ровно вдвое. Я не знаю, какие сновидения посещают Денисова, но, думаю, они связаны с его работой. Иначе думать нельзя. Нельзя думать иначе, потому что его жизнь и работа — одно и то же. Я убедился в этом, когда провел с Денисовым один день. После я не рискнул задавать ему традиционного журналистского вопроса, любит ли он свою работу. Я видел, как он это делал.

В «предбаннике» операционной

стоит густой пар: готовят инструменты, врач долго и тщательно моет руки. Тонкими движениями, отличными профессионала, он натягивает перчатки, сестра сяди завязывает лават и маску. Неся руки перед лицом, он быстрыми шагами входит в операционную.

Для непосвященного операция — это тучии впечатлений. Они были, но дело не в этом. Поразило другое.

Мне пришлось присутствовать при так называемом тяжелом случае; это только одно — ну никак оперировать, но точный диагноз будет поставлен, когда вскрыют полость. Можно ожидать самого худшего. Я знал все из разговоров перед операцией. И поэтому особенно увидели и озадачились весьма неподходящим, как мне показалось, с серьезности момента, слышим у спокойных реплики, даже шутки, которыми хирург Денисов общивался с ассистентом и сестрами. Мало сказать, меня это удивило, — через некоторое время стало казаться, что я присутствую при обычном явлении, когда, например, механик ремонтирует машину и спокойно переговаривается с товарищами: «Сейчас сманим кольца, отрегулируем клапана — и будет работать, как новенькая». В такой интонации, в таком темпераменте шел разговор в операционной. Только говорил не о машине, а о живом человеке.

Я не мог не спросить его об этом.

Неужели профессиональная привычка способна воспринимать трагедию как волевы?

Ему кажется, что если я подумою, то откажусь от своего сравнения. Да, конечно, привычка привычная, но дело не только в этом. Вернее, совсем не в этом. Это другое. Только так должен вести себя хирург во время операции. Да, он уверен в этом. Видя на примере работы корифеи хирургии. Эти специально созданные спокойствие и будничность определяют ту единственно необходимую атмосферу в операционной, при которой только и может происходить это серьезное и крайне трудное дело. Спокойным должен быть доктор, спокойным должен быть ты сам, ассистент, сестры...

Он задумался, точно припоминая что-то. «Вы думаете, я не волнуется?» Он не был на фронте, но ему кажется, что подобное состояние должен испытывать командир поднимаясь в атаку, он, как и всякий нормальный человек, испытывает страх. Он должен, он обязан подавить страх сознанием необходимости, трезвостью логики; тогда происходит то, что потом называют смелостью. Она обещивает успех... Нечто подобное происходит с ним в операционной. Камуфляж легкости поведения хирурга во время операции, даже шутки — тот арсенал средств, которые обещивают нормальный режим работы.

— Хорошо, доктор! Поздравляю вас, — сказал после операции профессор, опытный хирург.

Име было приятно услышать из его уст это почтительное «доктор», обращенное к студенту, ведь это подтверждало и мои впечатления о профессиональном уровне Денисова. И все-таки я спросил профессора:

Мы уже второй час бродим по городу. Он далеко тянется по берегу Волги, и мой спутник знает его наизусть.

— Ходить по городу пешком — удел двух профессий: почтальона и архитектора, — говорит он.

Мой спутник — молодой кубышевский архитектор Ваган Каркярян. Сначала я воспринимаю его заявление как парадокс. Что касается почтальона, мне известно, какую роль играют ноги в его профессии. С архитектурой сложнее: здесь нужны объяснения, и он объясняет. Мне становится всякой его мысль.

Архитектор должен ходить пешком, чтобы знать живой механизм города. Потому что город — это люди, а не комплекс зданий. Архитектор должен смотреть на город глазами тех, для кого строит. Он обязан быть психологом города, а это достигается, так сказать, эмпирическим путем — своими ногами, своими глазами, своей усталостью, своим умом. Он должен ходить пешком по улицам и паркам,

подниматься по лестницам, останавливаться на углах, заходить в магазины, как это ожидательно делают тысячи горожан. И смотреть. Только тогда он может приступить к началу своей работы — проектированию.

У него дома я видел проекты зданий, комплекса зданий, целого города. Они поражают своей фантастичностью, но в них соблюдено чувство реальности. Все отвечает современным требованиям человека и его эстетическим критериям. Мне хотелось бы жить в таком городе. Точно угадывая мои мысли, Ваган говорит:

— Это так, профессиональная гимнастика. Спроектировать город-менуэтрудно. Реконструировать уже существующий гораздо сложнее. Нам прежде всего приходится иметь дело именно с этим. Правда, здесь, по своему много интересного: задачи те же самые, только выполнение сложнее — здесь тоже необходимы смеельность и воображение. Может быть, даже в большей степени, чем когда строишь на пустом месте.

Мы бродим по городу, и для меня

— Это действительно хорошо, или вы говорите так, чтобы подбодрить молодого хирурга?

— Это очень хорошо. На то, что он студент. Я бы сам с удовольствием писал под такой работой. Денисов, так сказать, редкий случай: профессиональная зрелость наступила у него в студенческие годы. Это природный медик.

Профессор не хочет делать никакие прогнозы по поводу его будущего, но он твердо уверен, что Денисов никогда не будет средним врачом, а в профессии медика это говорит о многом. Пожалуй, в этом смысле из работа что-то вроде поэзии. Есть поэты, и есть люди, пишущие профессиональные стихи. А это не одно и то же. Денисов стал врачом не потому, что пошел в медицинский институт. Он пошел в медицинский институт потому, что должен был стать врачом.

Мне было понятно, почему он выбрал медицину. Но что заставило его остановиться именно на хирургии? Об этом я спросил его после того, как увидел его артистическую работу в операционной.

— Да, решил однажды раз и навсегда. Впрочем, сначала о моем приятеле, о том, как он выбрал профессию. В школе он рисовал, как и многие, может быть, получше. Но мир виделся ему, как и нам с вами, должно быть, серым, лишенным ярких красок, совсем не таким, каким мы привыкли видеть его на картинах художников. И однажды обычным дождливым днем он вышел на улицу — дома серые, серая земля, и небо тоже серое. И вдруг все преобразилось: он увидел, что розовые стены домов бросают розовый отсвет на мокрую землю, а казавшиеся серыми лужи сверкают зеленой де-

ревьев и синими проталинами неба. В тот день он понял, что такое живопись. Он рассказывал, что в тот день решил стать художником... Так почему и выбрал хирургию? Вы представляете себе, что такое эрфферт операции? Я родился в семье врача, так что еще до института мне пришлось присутствовать на операции. До этого мне казалось, что больницы, коридоры должны были оперировать, приговорен: в нем не было ни искры жизни. И вот операция. Потом я видел его каждый день. Он оживал буквально на моих глазах. Через семь дней это был уже нормальный, здоровый человек. Тогда я впервые увидел хирургический эффект, и он порадовал меня на всю жизнь. Наверное, потому мы и разговариваем сейчас с вами о хирургии, а не о невропатологии, например. Вот видите, как все просто. Ну, до свидания! Мне еще нужно поработать. Знаете, в нашем деле, все равно что в современной физике: она движется такими темпами, что если отстал, потом наверстать очень трудно — или выходи из игры или ни о чем серьезно не думай.

Через несколько дней я зашел в клинику попрощаться. Денисова я нашел в палате около маленькой девочки, которую он тогда оперировал. Сейчас мне трудно было поверить, что несколько дней назад она перенесла сложную операцию. «Через неделю наша девушка будет бегать». Я верю ему.

Процаясь, я думал о том, что медик, в сущности, человек самой гуманной и доброй профессии и что именно ему каждый день приходится иметь дело с человеческими страданиями. И еще я подумал, что если когда-нибудь мне в качестве пациента придется иметь дело с хирургом, я бы хотел, чтобы им был Денисов.

это гораздо больше, чем просто прогулка или занимательная беседа об архитектуре с приятелем. Меня мучают мой спутник и то, как все его узнаешь человека в его работе (если, конечно, он ее любит), и, броди с ним по городу, я видишь его работу собственными глазами. Я видел каждую минуту, как в нем волнуетесь, говорит, мыслит градостроитель. Я чувствовал, что это для него — самое главное в жизни. Это было настолько естественно, что его увлечение и волнение передавались мне. Он рассказывал об архитектурных проблемах своего города, и я видел эти проблемы собственными глазами. Как и он, я радовался, когда он с увлечением рассказывал о реконструкции улиц, о том, какие здания будут на этих пустырях, как и он, я вспоминал, когда видел ошибки прошлого, — он говорит, что в градостроительстве их очень трудно исправить, иногда даже невозможно. Города никогда не считают завершенными, как могут, например, быть завершенными картины или статуи.

Если они не выдерживают проверки временем, их выносят из музеев. Устаревшие здания остаются в городе. И с этим приходится считаться. Он говорит об этом, когда мы проходим по одной из улиц вдоль целого ряда художественных объектов прошлого века. Каждый хозяин строил для себя, не думая о соседстве с другими зданиями, не думая, что город, как и человек, будет расти и что спустя десять—двадцать лет ему не нужно будет то, что было необходимо в младенчестве.

— Но это, так сказать, продукт прошлого века, давно минувших дней, — говорит мой спутник, — и в таких случаях преступление прощается за давностью лет. А вот это отнюдь не прошлый век. Попробуйте на это творчество созданный архитектором. За такое творчество надо быть по рукам. И, слава богу, крепко удерживать.

Мы стоим несколько возле здания построенного 1950 года — дата начертана на фронтоне. Оно настолько загромодило площадь, что его не так-то просто миновать. Есть время подумать. Есть о чем подумать.

Кто-то назвал архитектуру окаменевшей музыкой. Это точно даже в том случае, когда немешь дело с плохой архитектурой. Пример перед нами: огромное здание с маленькими окнами, разумеется, с колоннадой и коринфскими капителями, верхний этаж украшает скульптура, рассмотреть которую можно, только забравшись на крышу соседнего здания. В доме много полезности и чванливости, бюрократизма и бугафорского пафоса. Бесспорно, оно создает всеяких украшений бьет на дешевый эффект.

— Кстати, не хотите ли зайти внутрь? Я тоже думаю, не стоит. А между тем в тот день нам все-таки пришлось зайти внутрь одного здания, коробка которого была построена тоже в 1948—1950 годах. Я го-

ворю, коробка, потому что интерьер сделан несколько месяцев назад. Это здание — Бернал Вольги и, честно говоря, не радует прохожего до тех пор, пока он не войдет внутрь. Интерьер гостиницы спроектировал Ваган Каржарин, и ему пришлось бороться, чтобы осуществить свой замысел в условиях, оставленных модой тех лет. Интерьер действительно радует от этого мыслитель все, но я спрашивал в гостинице.

Этот этаж здания, которые, по замыслу, соответствовали четырем временам года, решены просто и изящно, с минимальной затратой средств. В проектной организации мне рассказывали, с каким увлечением работал Каржарин над всеми «малочными» интерьерами — вплоть до костяных горничных и официантов, — хотя в его обязанности не входило думать об этом. Но он думал о людях, которым предстоит жить в этой гостинице, он думал о них, потому что он архитектор, а не ремесленник. Если бы проект Каржарина был воплощен, как это хотел автор, то я бы мог сказать, что в лучшей гостинице мира не приходилось жить. Но мне рассказывали, что замысел сильно не отличался от воплощения. Архитектору пришлось бороться не только с условиями старомодной коробки здания, но и с консерватизмом коммунального начальства. Во многом ему удалось победить, но там, где верх взяла сила инерции, невольные очевидца. Архитектор проектировал покрыть пол разноцветным пластиком (он сам ездил на завод, хоть это тоже не его дело), ему сказали, что пластик — это синтетика. Архитектор спроектировал простую и легкую мебель (самостоятельно договорился с фабрикой о выполнении заказа, хотя этот, казалось бы, должен заниматься на архитектор), но мебель без кривых ножек и завитухи тоже показалась «несolidной», — в каждый номер втащили огромный «многоугольный» шкаф. Спасабо, обошлось без «Мишеки» и «Хотиника» на привале. Архитектору все-таки удалось убедить коммунальное начальство, что интерьер стоит украсить современными фотографиями. Впрочем, он не уверен, что скоро на стенах не появятся золотые багеты — они уже есть на складе...

Мы закончили прогулку тем, что поехали за Волгу, чтобы посмотреть на Куйбышев с противоположного берега. Ваган рисовал в блокноте и рассказывал, каким будет город, который через несколько лет осуществит проект, над которым он сейчас работает вместе со своими ребятами. Он рисовал точно и быстро (ведь он знает эти проекты каждую минуту), а я представлял себе, как легко и красиво будут жить люди в этом городе.

Тысячу раз прав Ваган: город — это люди, и архитектура — самая лучшая профессия. Если, конечно, любишь свою работу и относишься к делу по-настоящему.

В поисках людей, для которых работа — ежедневное творчество, наши корреспонденты отправлялись в Куйбышев. Впрочем, для этой цели они могли поехать в любой другой город, и везде нашлись бы люди, о которых стоит рассказать. У них разные профессии, но всех объединяет общее качество: в какой бы области они ни работали, они постоянно заняты поисками новых идей. Они любят свою работу настолько естественной и сильной любовью, что очень трудно найти грань между их работой и жизнью. Скорее всего, ее вовсе не существует. Во всяком случае, у них нет времени задумываться над этим: они работают.

Иван Иенатович Шальманов — молодой белорусский прозаик. После окончания десяти классов служил в Советской Армии. Затем работал в эдак-какой-то конторе, а в настоящее время — рабочим модельного цеха Минского тракторного завода.

Иван Шальманов — участник IV Всесоюзного совещания молодых писателей, состоявшегося в 1963 году в Москве. Первые рассказы его были опубликованы на родном языке в журнале «Маладося» в прошлом году. Мы предлагаем нашим читателям его новые рассказы «Чужак-человек», первое произведение Ивана Шальманова, переведенное на русский язык.

ЧУЖАК-

РАССКАЗ

ЧЕЛОВЕК

У каждого человека Политар Дубик. Скоро год будет, как мы живем с ним в одной комнате, а понять его не можем. О таких людях обычно говорят: ни богу свечки, ни царю чучелки.

Мы и сами уже давно не голубятники в армии отслужили, по второму году на заводе работаем. А Политар лет на восемь старше каждого из нас. Давно поглядываю человеку свист, а он, чудак, и не женится и горилку не пьет. Что он скрывает — не скажешь, мы этого не замечали. Но деньги у него водились всегда. И в трудную минуту, когда у нас не хватало до получки, мы одолжили у Политара.

На танцы Дубик не ходил, по девушкам не убивался. Разве только изредка сходит в кино да в библиотеку взглянет.

И вдруг полет слух, будто наш Политар Дубик поведется к вдове Вольке Качко. Посуду только и говорили об их свадьбе и уже точно знали, в какой день Политар с Волькой в загс пойдет.

Ничего себе молодичка. Стрелятьман! — говорили на заводе о ней женщины.

— Правда, не смеядьтца ей. Да и он парень в годах.

Вольке Качко, женщина лет под сорок, была замужем за большим вдовцом Янкой Смаргучем. Дети у него были уже почти взрослые. Самый младший ходил не то в седьмой, не то в восьмой класс.

Недолго была замужем Волька. Через год-полтора умер Смаргуч и оставил ее с маленькими ребятишками.

Смаргучевы дети не любили мамею. А когда Смаргуча не стало, прогнали ее.

Нашла себе приют Волька у нас на заводе. Ей дали небольшую комнату и устроили на работу — уборщицей в механическом цехе. Тут же работал и наш Политар — электросварщиком.

Сначала мы не верили бабим сплетням. Женщины — народ такой: раздуют из мухи слона, и люди доверяются до правды. Но потом и мы сами начали замечать, что с нашим Политаром делается что-то неладное...

До получки оставалось дней пять. А у нас так сложилось, что ни у кого ни копеечки. Сидим дома, Политара идем. Политар вырубится!

— Не прошел час, второй, а Политар не приходит. Злитесь стали. Голодные. С двенадцати часов росники маковой во рту не было.

Один говорит:

— Нет, хватит, с получки умнее брать...

Я отвечал на писала. Матер, братана, знакомые. Накопилось — за неделю не отпишешь! А Миша Косоленко читал «Приключения джентльмена». Этот роман Мишка читает с того самого дня, как поселился в нашей комнате. Читает обычно перед полумки, когда денег у него не бывает. У каждого свои привычки.

Политар, когда заставлял Мишку за «Приключения джентльмена», доставал латерку и молча крал ему на книгу.

— О сэр! Какой вы добрый! Я вам очень признателен. — И Мишка совал деньги в нагрудный карман.

— Выручай, браток Политар, — просил и Василь Кужель. — Переходим на подсос.

И Политар вручался.

На этот раз Политар пришел, как никогда, поздно. Молча разделся, сходил умыться. Нетерпеливо вытер лицо полотенцем и аккуратно начал расчесывать свои густые волосы.

Мишка перестал читать и следил за Политаром. Он ждал, когда Политар закончит свой туалет и даст ему латерку.

Дубик приселся, подошел к столу и невольно опустился на стул. Какое-то время он сидел молча и, намузиря брови, безразлично глядел перед собой. Потом не спеша повернулся к нам и виновато спросил:

— Хлопцы, у кого есть денюги? Мне до получки...

Василь открыл глаза и тут же залопал ими, как сова.

Мишка швырнул книгу под кровать, встал со стула и заходил по комнате.

— Где твои денюги? — вдруг набросился он на Политара.

Дубик сначала замаялся, а потом спокойно ответил.

— На Волосдарского Вольке стол купил. Ну, стол, доставка...

Мишка всплеснул руками и, сцелив пальцы, опустил руки перед собой.

— Да знаешь ли, что ты наделал! Хлопцы голодные, а вы, видите, стол Вольке...

— Ты, тьякало, садись! — оборвал его Василь. — Каждый своим денюгам хозяин.

Мишка, видно, хотел еще что-то сказать, но, взглянув на Кужель, послушно сел на кровать.

— Горюет, — сказала женщина, — засорился. Иду домой, а она несобрала хворосту разною, едва плетется. Помог до дому достави. К ней я зашел. Комната вот такусынька. Раскладушка, табуретка, и вся. Денюг только на хлеб. А жить надо. Ребенок. Было у меня тридцать рублей. Полежал да и купил стол.

Мы, злые, молчали. Злились, конечно, не на Политара, а на эту нахапку Вольку. С Политара, правда, никак спорить.

А назавтра Политар и не такое сотворил. Приходим с работы, а в комнате зыбка стоит. Поглядели мы друг на друга, плечами подернули. Ясно дело: Политар. Кому ж видел! Не удивлял ли он забрать сюда Вольку? От него теперь всегда ждать можно. А зыбка такая хорошая, с душой сделана. Видно, сварили из железных трубок.

Через несколько минут прибежал Политар, банку с краской принес.

— Вы меня, ребята, извините. В комнате красить буду. — И, не ожидая нашего согласия, он снял пальто, разостлал газету на полу. На газету банку с краской поставил, кисточку поломил.

— Хозяйство, объявляю, — снова заговорил Политар. Он вытряпился, отошел на несколько шагов от зыбки, посмотрел на свою работу.

— Ничего, — будто утешая себя, сказал Политар, — пока обменяется, и эта послуנית.

Дубик подошел ближе к зыбке и осторожно начал размазывать кистью подтеки.

— Уж очень ты жалеваш Вольку, — сказал Мишка.

— Трудно, говорю, женщина, — Политар вздохнул, озабоченно намузирял брови и опять взялся за кисточку.

Больше мы не расспрашивали его, так как знали, что Дубик обижается, и эта послуנית, особенно если это относилось лично к нему.

Незлюбили мы почему-то эту женщину, не хотели, чтобы наш славный, добрый Политар женился на ней.

И решили: не допустить дело до женитьбы.

Но где ты удержишь этого дура! Он, видно, еще настоящей женщины не видел. Улыбнулась ему какая-то Волька, так он сразу и распис. Все свободное время Политар лез к Вольке. Колот вода, носил воду, топил печь. Даже ребенка нянчил, когда Волька ходила в магазин или куда-нибудь еще. Но нехватать Политар всегда приходил домой.

Пытались отговорить Политара: мол, не пара тебе Волька. Но попробуй докажи, если все наши доводы — как горох о стену! Долго ломали мы голову, но выхода не видели.

— Хлопцы! А что, если к Вольке сходить, разсчитать ей? — сказал однажды Василь Кужель. Правда, мы тут же отвергли эту мысль. Действительно, будешь на нашем месте: как это идти к незнакомой женщине и уговаривать ее, чтоб она не выходила замуж за нашего Политара? Неудобно как-то. Пошлет она тебя во всем чертам, сраму не оберешься.

— Давайте, ребята, письмо ей напишем, а? — посоветовал я. — Но так, чтоб не обидеть. С походом, а!

Мое предложение понравилось. Каждый по слову — и письмо готово. Как нам показалось, убедительное письмо. Женщина она умная, обижаться не будет. Она должна понять, что Политар — парень не для нас.

Долго еще мы совещались, кому отнести это письмо. Но каждый из нас унывал, старались свалить поручение на другого. Наконец решили так: писали вместе, вместе и отнесли.

Вечером того же дня отнесли письмо на квартиру к Вольке. Подаривушки, когда никого не было в коридоре, подбегали к подольной двери, опустили письмо в щельку и вернулись обратно.

Политар в последнее время домой приходил поздно. Иной раз уснем и не услышим, когда он вернется. А тут, видно, параз час, что пошло того, как письмо отнесли, Политар завалился. Видно не поддал, что Волька вытрянула его. И о письме ни слова. Даже, видно, чтоб сбить нас с панталыку, довольную улыбку стронил. Он, как всегда, спокойно разделся, аккуратно сложил одежку на зе-

Из фольклорных дорогах

Поют пески

Зыбуч песок.

Горяч. Горяч.

Изменяются
и стили трави.
Линь саксаул торчит кораями,
напоминает потылый кипч.
О чем тугча и угрюмо
заводит песню Каракуми!
О чем!
Ветра аса горячий.
Заметупился лесом на урюке,
Он, изымае от лучей, в тоске

заглаживает
руком.

И закон распаренной земли.
И пыли у желтой изгородки.
И, как караса на сквородке,
малышка пригает

в пыли.

И степь, как небо...
Величавый
покой простерся по траве.
Белосам обломки кутравама
отара ветв в синеве.
Все это Азия!
Все это
все привычные приметы.
Но вот полетет снежок, пыль, урча,
горбатый профиль тягача.
Над потрясенным саксаулом
голубоватым скал
оскал.

Поют пески...
Тяжелым гулом
им подпевают аймавов.
Гудит раскат
вазов круж седых,
степных гольцов, поивтых могом.
Там географич эпохи
меняют руки
монгоды.

Четыре ветра

Опять трубит
и плещется в лицо
четыре ветра,
с четырех концов.
В них соль, и штурмом,
и дыхание льдин.
И не шумит покой им один.
И листопад
тревожико и протяжно
шуршит-шамкает
в тишине охранной.
Над язовью
опавший лист лубой.
Шуршавый лист,
украшенный резьбой,
Красна резьба.

Принудлива.

Остра.

Она остра,
как языкни костра.
И в оспля бивает таежный язык:
огонь сопит,
свивается кубиком.

Он, как покорный пес,
лежит и лижет
моя подметки
острым языком.
[Вот что листья творит!
В гулам оставленой
она из рымак сделалась рабой.
Она у ног вскипает, как прибой,
как ледовитый, яростный прибой.]
В гулам оставленой
она из рымак сделалась рабой.
Пазнет солю влажной.
Восходит ночь
над голубой губой.
Четыре ветра плещут на просторе.
Зовет меня седое Луколье,
Звонь кончая молодость меня
звонит а доруги!
В мире нет покоя...
Я первый снег свой встречу
над рекою —
в косатой агле.
У сакрыного огня.

Белая весна
На заре,
по храм глухоманним,
по степям, легко и широко,
закликает белые туманы,
льются как парное молоко.
В этой луже белой,
как в сугробах,
тропы да кусты...

Отглушена
журналными реками и трюмом
светлая сибирская весна.
Вон, в созвездиях
вклиниваясь,
мчат

косики;
они про то кричат!
Все про то же...
За тихими лесами
ждет их край гледзюви,
потому
гулким, шальными голосам
небеса распугивают тьму.

бурет и лег на кровать, закинув ноги на спинку кровати.

Мы с затеанной тревогой следили за ним.
А Поликар задумчиво цурчал глазами и с кажим-то несладким объемом:

— Итиж, хлопцы, считайте меня знатным. Сегодня заявление в загс отнесли.
Мы переглянулись и почти в один голос сказали:

— Ну и дурак!

Судьба Поликара была для нас безразлична: что ни говори, а жили мы дружно, душа в душу. Да и Поликар — такой парень: последнее отдал, а друга в беде не оставит. Василь Кужель три месяца ходил на танцы в Поликаровом костюме, пока себе не купил. И мы, хоть и посмеивались над Дубиком, а любили его, как брата родного. Но что поделаешь, если человек сам в петлю лезает — ну что ж, выключи на твоей свадьбе, — помолва, сказал Василь Кужель.

Тут и началось.

Радио давно перестало говорить, а мы все никак не могли унять. Анекдоты рассказывали, смеялись друг над другом, а обещан, убавили радость.

— Ну, хлопцы, хватит. Отбой! — сказал Василь Кужель. Он подблизил к выключателю, погасил свет и, уми укладываясь в постель, сказал: — Прощай, завтра.

После яркого электрического света на какой-то момент сделалось темно, хоть тлея выключи. Мы замолчали. В комнате стало тихо-тихо. Даже слышно было, как тарелки Поликаровы часы. Старомодные, ирровские.

— Поликар! Да оставни ты свой дивал, — не выдержал наконец Василь Кужель, — дай уснуть. Мы будто только этого и ждали. Отосудую так и поспалось.

— Сманы, Поликар, сондилом!

— Тавотом!

— Поликар, шмаровндлом!

— Подтяжку сделал! — до кашля надрывались со смеху хлопцы.

— Сдай ты ж, Поликар, а утиль, — всерьез предложил Кужель. — Ей-Богу, не прогадаете. На вырученные деньги новые часы купили, а из тавон на заводе семитонный самосвал сделают.

Мы так и покатылись со смеху.

Поликар, не обижаясь, терпел наши подначки и хохотал вместе с нами.
Мы насмеялись до того, что заболели животы, и постепенно, один за другим, начали успокаиваться. Но спать не хотелось.

— Человек — раб любви, — по-философски, как бы между прочим, заговорил Василь Кужель.
Догадались, что он бросает камешки в Поликаров огород, намекает на Волку. Василь всегда так. Намчет издаലെка, а потом как ляжет — хоть стой, хоть падает.

— Живет человек человеком, — продолжал Василь, — работает спокойно. Отработал рабочий день — и на все четыре. А влюбился — крышка! Нигде, значит, покая нет.

— Жениться надо, — сказал Поликар и полез под одеяло.

Неизвестно, куда бы завел Василь свою философию, если б не Миша. Наверное, он не догадался, на что намекал Василь. А момент, наоборот, хотел поддержать его, да вышло неудачно, поскольку он с какой-то торжественностью заговорил:

— А все-таки любовь — это что-то такое святое, возвышенное и чудоточное тревожико-рустовое. — Не знаю. Я вот сердцем чувствую, а сказать не умею. Кажется, слов таких нет, — тихо заметил Поликар, и мы поняли: Дубик лезет Волку.
— Спать пора, — напомнил Поликар. Под ним заскрипела сетка: он повернулся на бок.

После того, как Поликар отнес заявление в загс, Волка начала заходить к нам. С ребенком заходила. Поликар брал на руки Сашку и совeto-вался с Волкой, как лучше справиться свадьбу. И Волка советовала ему, что надо купить в подарок, кого пригласить на свадьбу, сколько денег надо на горилку, сколько на закуски.

Мы не вмешивались в их разговоры. Пусть. Им виднее. Мы уже почти смирились с тем, что Поликар женится на Волке. Что ни говори, а женщина она хозяйственная.

Однажды в субботу, как раз за неделю до свадьбы, Поликар, придя с работы, надел свой праздничный костюм. Этот костюм Поликар надевал редко. Момент, раз да и надевал за все время, сколько мы жили с ним вместе. Куда это, думаю, он собирается? А Поликар покрутился перед зеркалом, достал из кармана деньги и положил на стол.

— Вот денги. Купите что-нибудь а столу. Ну и... из деликатесов чего-нибудь. Сегодня жеinka му придет в гости. Я побуду за ней, а вы тут, хлопцы... Надеюсь на вас.

— Ладно, — отозвался Василь, и Поликар вышел из комнаты.

— «ИЗ деликатесов!» — ухмыльнулся Василь, помолчал. — Волке, пожалуй, и батон, помаленький повидлом, соевай бы а деликатес первого сорта. Но ведь мы Поликар — большой оригинал. Кужель пересчитал денги, лежавшие на столе, и положил их в Поликарову тумбочку.

— Поликару теперь денги нужнее. А ну, хлопцы, поны по червонцу!

Мы синкнули по червонцу.

— Главное, Вася, смотри, чтоб выпивка была, а закуски можно и мануфактурой, — в шутку сказал Миша.

— Как-нибудь соорудим, — беря денги, ответил Василь и щелкнул Мишке по носу.

Лесные миниатюры

Реки

Под словыми лапами спят,
Бродят в реках сибирских тупан.
И заглохлило наркено аме,
как вылетел Выйол...

В тшинне,
в дорасселугу морось и знобь
повызает туманым

Обь,

Обь, Обь, за родным порог
мы шагнули в лотыамы тупан.
Мы в зеленая тупане росе,
опала на смумереть лица.
Вот и мнитса опять аме:
куртиса по вечерней поре Енисей.
Так он плещет, и так он куртиса,
миг еще — и река загоритса.
Там, как в бубен гитантсий,
в пловити бьет прибой,
и рокочет пунта.
И гудит штормовая заря.
Реки!

С вами я вечно на Вы!

Вы близок аме и вечно новы.

Эти ветры и плески не зря
слышат аме и поютса

ведь друзья познаются
в беде!

Бурундучок

Скакнул на ивовый сучок
лесной зверек —
бурундучок.
Он самый маленький
в лесу;

с листа,
как с блюдца,
плет росоу.
Такого — крошечного ростом
обидеть очень даже просто!
Но аме ползевши он в лесу,
Его не трону

никогда я.
Он лервам чуствует грозу,
сансит, о ней предупредива.
Он знает тайные приметы.
Он алет от беды сберег —
мой друг,
бурундучок, мудрец сибирский, зтог
лесной зверек!

Козодой

Слышишь!
В луином, в призрачном дыму
козодой грустит
среди чащобы.
Он — пост!
Иначе для чего бы
при нуи всю ночь
не спать ему!

Рысь

Ты не знаешь,
что такое рысь!
Рысь —
привуеличенная кошка.
Чуть пушистей,
покрупей немозжико,
вот и все...
Но ей не скажешь:
«Врьсь!»

Рисунки
А. БАБАНОВСКОГО

Василья захватил «авоську», единственную на всех нас, — и отправился в магазин.

Через несколько минут мы уже накрывали стол. Холодостая еда известна: хлеб, колбаса, консервы, сыр и горчица, стенок.

— А это для шипу! — Василья достал из кармана пальто бутылку шампанского, крутнул ее в руках и поставил на стол.

— Тыфу, паскуди! — сплюнул Мишка. — Разве что для лашу.

— Томе аме, женки! — недобольно проворчал Василья — Топкаса ничего не сказал и сбояка. А ты гадай тут, на сколько человек.

— Чего тут гадать, — отозвался Мишка, — валя на стол — и баста! А когда придут, видно будет. Стулья и скамьи найдутса.

— И то верно, — согласился Василья. — В зто время кто-то постучал в дверь.

— Входит, — сказал Василья и раскрывл дверь. В комнату вошла Волька с ребянок на руках.

— День добрый! — поздоровался она. — День добрый! Протоидте! — Василья указал на стул. — Садитесь.

Волька села. — Поликара нет еше!

— Нет. Он же сказал: за вами пошел.

Волька удивительно поглядыва на Василья, но ничего не сказала. Потом встала и подошла к нам, посмотрела, чем мы занимаемся.

— На-ка, подержи! — Волька подала Мишке ревянка.

Миша, еше не понимая, что от него требуют, взял ревянка на руки.

— Иди, иди, поиграй немного с Сашкой, — поясняла Волька, а сама принялась за дело. — Что тут за всесть!

Мы показывали свою «проказию».

— А им гостей угощать будете! — удивлялась

Волька — Ван только женитса. Где тут у вас кухня, что ли?

Василья отдал ее на кухню.

Волька сняла свое старенькое, но чистое пальто, подогласила вместо фартука платком. Василья снова послала в магазин за разными снадобьями и попросила прикупить еще кое-чего.

Через час на кухне уже шипело жаркое, а Волька командовала у стола. Она расставила все по своему вкусу и куда удобней, чем Василья. И стол покчалса нам больше и богаче.

Признаться, нам очень стыдно стало, что тогда так необудувано написали ей письмо. Мы даже боялись взглянуть ей в глаза, выполняли все ее приказы, старались угождать ей. Потом Волька вышла, потому что мы стали перодоваться.

Когда уже все было готово и мы умиллись и приоделись по-праздничному, пришел Поликар. Им не один. С ним пришла какая-то незнамкая светловолосая девушка. Не сказать что красивая, но симпатичная а виду.

Девушка поздоровалса, а Поликар представил ее.

— Будьте знакомы, — сказал он и ретерялса. Глаза его закривили, лицо покраснело. Поликар отвел глаза в сторону и скороговоркой добавля: — Моя женка.

Мы так и анулил. Я чуть не проглотил папиросу. Василья, как всегда, задалблил глазами. Только Мишка не ретерялса.

— Михайло! — базралично сказал он и поддал девушке руку.

— Очень приятно, — проговорил Мишка и отшол, недобольно поглядывая на Тоню и Поликара.

Тоня, — ласково сказала она. — Тоня, — ласково сказала она.

Тоня, — ласково сказала она. — Тоня, — ласково сказала она.

Тоня, — ласково сказала она. — Тоня, — ласково сказала она.

Тоня, — ласково сказала она. — Тоня, — ласково сказала она.

Тоня, — ласково сказала она. — Тоня, — ласково сказала она.

даже казалос, Тоня и недостатюа такого вниманил.

— Ты не стесняйся, раздевайся, — хлопотал воле не Поликар. Он осторожно снял с нее пальто и повесил его в шкаф.

Но наша холостяцкая комната не очень случалса. Ее глаза на Тоню, можно было подумать, что она пришла не в мужское общежитие, а на выставку изобразительного искусства. Глаза ее так и бегаля по стенам, кровати, по всему, что было в комнате. Хотя ни на стенах, ни на кровати — нигде не было ничего особенного, что бы так глеть.

Вдруг ее взгляд задержалса на Поликаровой тумбочке. Там лежали те самые часы, с которых мы когда-то надерывали немюта.

Тоня осторожно взяла часы в руки и долго рассматривала их. Потом обернулса к Поликару:

— Ты все хранишь их.

— Как видишь, — И Поликар смущенно усмехнулся.

— Странная была у тогда. Это еще отца моего часы, — вздохнула Тоня. — А я думала, что ты давно вынул их. Я ведь те бусы потеряла. Помнишь, что дарил, когда я была еще в втором курсе?

Поликар молча смотрел на Тоню, ирсяняя и счастливо улыбалса.

— Нет еще Поликара! — В комнату вошла Волька.

— Божемо, молодое! Пришли, наконец, — возбужденно заговорил она, увидев Поликара с Тоней, и бросилса к ним. — Что же это, хлопцы, к столу их не приглашаете! К столу, гостечки мои, к столу.

— Ольга Степановна, — начал знакомить Поликар Вольку с Тоней, — моя нареченная Милка.

— Нам стало стыдно.

Перевел с белорусского
М. ГОРБАЧЕВ.

¹ Салопи.

Н. ЧЕРНОВА
ФОТО М. МУРАЗОВА

Биография: Максимова Екатерина Сергеевна. Год рождения — 1939-й, Москва. Поступила в Московское хореографическое училище при Большом театре Союза ССР в 1949 году, Член ВЛКСМ. В 1956 году окончила балетную школу по классу Елизаветы Павловны Гердт и была принята в Большую театр советской балета. В свой первый сезон работы в театре дебютировала в роли Жизели в балете Адама «Жизель», которую подготовила под руководством народной артистки СССР, лауреата Ленинской премии Гальмы Сергеевны Улановой. С 1958 года исполнила ряд ведущих партий на сцене ГАБТ. Среди них — Сильфиды («Шопениана»), Катерина («Каменный преток»), Марин («Балчичисарайский фотгал»), Золушка («Золушка»), Флорина и Аврора («Спящая красавица») и др.

За границей была в последний раз в марте этого года, в Париже, вместе с ансамблем Большого театра Владимиром Васильевым.

Максимова Екатерина Сергеевна считает, что никаких особо выдающихся событий добавить к своей биографии она не может.

Даже в балетную школу она пришла как все. Любила девочка танцевать. В 9 лет мама взяла ее за руку и отвела в хореографическое училище. Больше всего запомнился ей день дебюта в «Жизели».

Я тоже помню это время пять лет тому назад. И помню Катю Максимова немного раньше дебюта. Я помню выпускной спектакль «Щелкунчик» в тогда еще существовавшем филиале Большого театра и в нем Машу — Максимова.

У москвичей особая, какая-то хозяйская любовь к своей балетной школе. Заговорите с любым из театралов, и вам обстоятельно расскажут, кто из сегодняшних учеников обещает в будущем стать светилом нашего балета, чем он хорош и чем плох, какие приблизительно роли ему будут поручать в театре.

1958 год. «Вы видели Максимова? Говорят, она обещает стать второй Улановой. Она и похожа чем-то на нее. Очень алчная девочка. Девчонки прекрасные. Елизавета Павловна в нее очень верит».

Окончила школу по классу Елизаветы Павловны Гердт — старшей и одного из самых блестящих преподавателей классического танца. Елизавета Павловна — гроза и любовь не одного поколения наших балерин. «Елизавета Павловна верит» — это удостоверение таланта. На ее уроках балерина овладевает тем техническим мастерством, без которого, будь ты хоть семи пядей во лбу, имей талант Марии Тальони, Анны Павловой, Гальмы Улановой — все равно из тебя ничего не выйдет. У Катя была свой собственный талант и уроки Гердт. А позже — ретепница с Улановой. Но это позже.

...Афиши театра. «Щелкунчик» с Максимова. Маша Максимова —

ДЕБЮТ

Владимир Васильев — художник не только на сцене.

Замечание Галины Сергеевны Улановой — ценный совет.

совсем юная принцесса, почти ребенок. Для нее царство, куда ведет ее Щадикушек, — это мечта о будущем. Весь спектакль — ожидание и приход счастья.

В танце Максимовой все было выверено до последнего штриха. Ее вариация, казалось, рассыпалась сотней кокошочкичков. Маша-принцесса напоминала ожившую фарфоровую статушку, настолько законченную и излучающую, что казалось, дотронулся до нее — и посыпшится знон.

В пустой Зал имени Чайковского прибегала, еле держась на ногах от усталости, уже получившая мировую известность балерина Максимова, чтобы в свободное от театра время репетировать здесь со старейшим балетмейстером Касьяном Гомейзовским. В этих репетициях было не только творческое горение. Балетмейстер, долгие годы лишенный возможности работать в Большом театре, Гомейзовский собрал вокруг себя группу молодежи и решил поставить «Вечер хореографических миниатюр». Что из этого выйдет, было неизвестно. И постановщик, и аккомпаниатор, и артисты работали беслазно. Репетиций в театре было хоть отбавляй. Времени, наоборот, не было совсем. И были люди, которые решили тогда, что этот затушала им ни к чему. А Кате он был эк мемуз. Тут была и радость работы с большим талантом, и огромное уважение к мастерству Гомейзовского, и человеческая обяза-

тельность. Поже полный публики зрительный зал снова и снова кричал «бис» ее «Мазурке».

А невероятных событий в жизни Максимовой, и правда, не было. Ей не говорили в школе, что нужно бросить балет и начать заниматься математикой или чем-нибудь еще. Поэтому Кате не приходилось доказывать обратное. Она не ломала ног, не забывала страшных болезненных, и ей не приходилось совершать никаких подвигот. Только вот когда танцовщица, смертельно уставшая, возвращалась домой вместе со своим мужем и партнером Владимиром Васильевым, к ним еще приходила, например, молодой композитор. И они, не считая времени, сидели с ним и обсуждали его музыку. Только в единственной свободный день вместо того, чтобы отдохнуть спокойно, они бежали смотреть спектакль в другой театр. Она не совершала никаких подвигот, только... Больше всего на свете любит она театр, где дебютировала в роли Жизель, которую готовила под руководством народной артистки СССР, лауреата Ленинской премии Галины Сергеевны Улановой.

Похожа Максимова на Уланову или не похожа? Этот вопрос занимает многих. Тогда, в день своего дебюта, была похожа удивительно. Костюм, грим, разрез глаз, иногда даже трудноуловимые детали повторяли улановский рисунок роли. Иногда даже мелькала мысль: а не обман ли это?

ПРОДОЛЖАЮСЯ

лялись медленно, но прибавлялись, все больше закрывая невесомую стену. Утром, отирив глаза, он сразу упряился в них взгляды.

Пристатие и лингвистике зашло у Антона так далеко, что он начал даже «составлять» стихи: он считал, что и стихотворной форме надо прибавлять для эстетности. Они представлялись ему чем-то вроде феллатона, что ли... Недаром же подписи в районных «Мирноградках» на стихах бывали всегда именно в стихах.

Он замет свет, взял лист бумаги и стал обдумывать, как бы похвастать написант насчет того, что по вине товарища Гордеева искалечена ударом об мойку машина «ЗИУ-12».

«Стедла салона, кронштейна зернал, Столбы ономые и габариты Грудно, помолочн, совсем обрвавлос!» И мочася шарку убоаотил... — написал он и остался доволен.

На другой день, забывая за путевым листом, Антон столкнулся с Илюной.

— Ну, едем! — спросил Илюной. — Я с тобой еду, ты Илюной.

Антон помахал плечами: как хочешь... В два часа Богоров привел Тоанку, и Антон принял его тут же, как бы на ходу. Он вошел в теплую тесную кабинку, усаев поудобнее, отключил печку, чтобы не слишком разжаривала жаром, тронул чуткую пусковую педаль, пригрозил. Он любил эти свинухи, предшествовавшие началу движения, возникающего по его воле. Сердце в нем вдруг замирало, мысленно он говорил:

«Иду, айда, «Тоанка!»

И Тоанка трогал с места плавно, «бархатным ходом». Он любил работать, этот парень, вестра колумбийская, и, кажется, умеет дело делать, хотя бы новичком. Как-то погода — не бог вестра каной стаки для водителя, но рулить у него лоялан и работе, а момент, и не только рулить...

Выключив мифрофон, Антон поглядел в смотровые зернальца: в салоне клубилась Илюная — девушка в морщин, как парник, шалочка, ребята с папками и книжками под мышками.

— Гляди, Илю! Это студенты слани, из общешкитал... прощентал Антон, Илюная мифрофон ладонь, потом поднес его к губам.

— Внимание, товарищи студенты и просто Илюной! Сегодня на стадионе «Динамо» состоится Илюной на льду... проговорил он Илюной, как-то угрюбой голосом. — Интересное спортивное зрелище, захватывающее смелостью и красотой. Билеты продаются в кассе стадиона, улица Коммуны, 7.

Студенты засмеялись, одна девушка сказала: «Надо же, милый Илюной!» — и подошла посмотреть на него в зернальца.

«Тоанка» шла по скользкой, заснеженной дороге. Это был сложный для зимнего времени, интересней маршрут, со множеством поворотов и петель. Тут нужен был большой талант и ловкость, потому что на поворотах при этой навади муть увеличь скорость — и штатги слетят, и с ними весте поедет и чертовой матери и графини.

Обратите внимание на такой факт, — говорил своим пассажирам Антон в мифрофон, — танка тут также с билетом за проезд — 3 копеек, без билета — 50. Делайте выводы. Гражданин с синим платочком, сделайте вывод, не стесняйтесь.

Илюной крикнул, улыбка прорезалась на его замкнутом лице. Он что-то беззвучно шептал, может быть, повторяя слова Антоны.

На остановке «Поселок Мирный» взяли рабочих — в вагончик, в тесные кулушки. Им было заступать во вторую. Антон впустил их в обе двери и громко сказал:

— Приветствую, товарищи производственников!

— А доведя до завода:

— Мелко вам хорошему трудового дня.

— То не и тебе, — сказал поинкой рабочий. — Новенький, потом устанешь, небось, замочитесь.

— Не бойсь, папаша, не устану! — поощадал Антон в мифрофон.

Публика в салоне весело шутила, у Антоны блестяли глаза. Он чувствовал в душе множество диких, гордое величие, слова легко шли и нему. Молодые тело было налиты ошутными здоровьем. Он почти перестал замечать сидящего рядом Илюной, голос его обрел простые человеческие интонации. Когда троллейбус стоял перед светофором или приходил на остановку, Антон рассказывал что-нибудь об Илюной, по которой они проезжали, соорбавил с путеводителем по городу, иногда прибавлял что-нибудь шуточное от себя. На остановке «Центральная площадь» он произнес в мифрофон длинную фразу:

— Недалек тот день, когда полностью закончатся строительством комплекса зданий в районе Театральной площади, и она примет вид законченного ансамбля... и вытер пот.

И тут вдруг и стеклянная дверь поодино неэкономной худощавый парень в очках с массивной оправой, постучал в стекло и заявил, что он не согласен: «И сомаленно, архитектурное решение этих зданий несет на себе отпечаток периода применения псевдоклассических мотивов, что несколько снижает их художественную ценность».

Антон растерянно мигнул.

— Гражданин, потом будете сами рассуждения разводить! — строго сказал Илюной, выйдя за

дверь. — Человек на работе... Думаете, легко там, по девять часов, и в тому же находится несколько танькая, которые отпускают в массу пуговицы, а не монеты?

Молодой человек не успелся. Он быстро написал что-то на клочке бумаги и сунил ев Илюной.

— Вот адрес нашего молодежного клуба, пусть товарищ придет, и мы досторим... Неважно и так... Он едет по городу и несет в массу лонные эстетические представления.

— Я те дам — помилуй! — залился Илюной. — Ты его знаешь? Ты его не знаешь? Тоанка — лонные... Он у нас новосорт... неомиданно с жаром соврал он и замолчал.

Вернувшись в кабину, он неуклюже постучал Антоны по плечу.

— Суется там разное... А еще в очках... Если меня тогда переберет, а за себя не ручаюсь! Я человек тихий.

Антон взял у него из руки буманку с адресом, сунил в куртку. Он совсем не эллился, он думал о том, как все-таки это здорово, что даже закрытую будку водителя можно раздвинуть и даже как бы совсем убрать перегородку между собой и людьми.

Возле остановки «Вокзал» он мелал доброго пути отъезжающим, а забирал там новую партию клиентов, растолковывал им, где гостиница «Центральная» и как добраться до другой — «Профсоюзная», если в «Центральная» вдруг не окажется номеров.

Какая-то разгневанная старуха сунула водителю сукуру, против пахнущую воблу, бурмоча что-то ласково, неразборчивое. Антон засмеялся:

Видает Благообразность народная.

— Видаль... Илюной залуался. — Вот бы мою Илюную усадила меня — здорово бы ударила! прямо как артист. Сувайся, чего-то тебе стекла в салоне не заморазуют?

А я и их солью протер. Пусть пассажиры город смотрят... Пошли, и лист отечу, и айда порубаю. Тем у тебя неа-то?

Моя-то Тоанка она... Лихая девка, нравная... — что его знает, что он и как там говорил, этот чудак. Илюная Илюной, но только вазный день Антон замечал в салоне то смуглую финляндскую Илюную-Илюную, то пылинковую, сильно надувную на лоб шапку Саломы, то отражался в зернальце Илюной взгляд Гордеева. Он не замечал в кабину, как Илюной, Илюная ехала, потом молча выходила. Вонгуд него происходило много-то Илюной давнее, и он идал сигнал чего-то, что должно было произойти.

Ида, ида, и все-таки вышло все неомиданно. Свои стки о том, как по вине товарища Гордеева

РОМАНТИК

4

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ, ТУРИСТЫ!

ПОЧЕМУ ТЫ МОЛЧИШЬ?

«КОРОЛЬ
ДЖАЗА»

УНИКАЛЬНЫЕ
ВЗРОСЛЫЕ

16 ЛЕТ...
МНОГО ЭТО
ИЛИ МАЛО?

Алла ГЕРБЕР

СВОЯ
ТОЧКА
ЗРЕНИЯ

Писателя пригласили в школу на диспут «А культурный ли ты человек?». Девочки-дестинианские заверили его, что он должен только начать — для затравки, а дальше само пойдет.

Писатель говорил остро и горячо. Его слушали. Ему аплодировали. А потом наступила пауза. Ну точно как на ином уроке, когда учитель смотрит в журнал, кого бы сейчас вызвать, а ученики старательно изучают парту, чтобы не встретиться взглядом с учителем.

Писатель покосился на председателя — девочку с прямой челкой и складной разумья на переносице. Девочка встала и, сурово оглядев зал, сказала:

- Как не стыдно!
- Зал вздрогнул, хмыкнул и замолчал.
- Ну что же вы, ребята!
- Молчанье.
- Неужто и сказать нечего?
- Снова молчанье.
- А момент, и правда нечего? — спросил писатель.
- Что вы! — откликнулась кто-то из задних рядов. — Мы не такие уж кретинки. На переменах, знаете, как спорим!
- Как?
- До Кулаков дело доходит — вот как!
- А как насчет мыслей?
- Мысли хватать. Только не все снамешь.
- Это почему же?
- А потому, — откликнулся председатель, — что не все правильно побьют наши мысли. Во-первых, мы не хотим спорить, как спорят на диспутах по

радо один говорит, другой прощает, третий замолкает. Так в жизни не бывает, чтобы все определилось... У нас, например, некоторые ребята ругают за сморкание носом, а некоторые читают и не хотят ходить. Какие они: культурные или не очень? А восторж... Они же говорят, что виновата глина на сиденье у стены учителя.

— Что же восторж... подражал писателю...
— Нет, что это... отдаление девочки...
— Мне, например, нравится поэт Вознесенский, а у некоторых учителей нет, теперь поминате...
— Он хотел было ответить, но его опередил учитель.

— Значит, Тани, я, правда, не литератор, и стихи Вознесенского мне тоже не нравятся, но тебе ведь меня. Быть крайней на первых этапах моего дела. В нутрах все крабры. А ты попробуй записаться в открытое бюро. Попробуй отстоять свою точку зрения. Нет, не учителя ты изгубила, а саму себя. Самого неуменья доказывать. Когда мы вместе, тогда мы идём в ход кулаки, это ты, Еремичев, правильно сказал...

Но это, конечно, что встречается еще учителя, которые не очень-то заботятся о развитии самостоятельного мышления своих учеников. Но будем справедливы: ведь есть и другие. Они просят: не повторите чужих слов. И требуют мыслей, пусть иногда наивных, пусть в чем-то спорных, но своих. А в ответ часто наталкиваются на каменную стену. Как жестоко, особенно не всегда правая ученица. И если все время держать свой ум «за запястья», он потеряет способность...

Когда шестидесятисемидатилетний человек не решает говорить свое лишь потому, что боится издать его точка зрения не совпадет с учительской... это жуть и противно, но исправимо. Куда страшно, когда мыслящие это начинают разговаривать по принципу: мне это ни к чему, мне это не нравится, а бе меня разберутся.

Разнодушие очень дурно обосновывает «философскими категориями», как-то: разочарование, душевная усталость, неверие...
— Тогда два года была в одной московской школе на отчетно-выборном собрании. Выбрали новый комитет. Выдвигали кандидатов...

— Петра! — крикнула кто-то...

— Неясно, к чему выдвигать заводных идолов? — сказал мой сосед, десятиклассник.

— И тогда два года была в одной московской школе на отчетно-выборном собрании. Выбрали новый комитет. Выдвигали кандидатов...

— Петра! — крикнула кто-то...

— Неясно, к чему выдвигать заводных идолов? — сказал мой сосед, десятиклассник.

— И тогда два года была в одной московской школе на отчетно-выборном собрании. Выбрали новый комитет. Выдвигали кандидатов...

— Петра! — крикнула кто-то...

— Неясно, к чему выдвигать заводных идолов? — сказал мой сосед, десятиклассник.

— И тогда два года была в одной московской школе на отчетно-выборном собрании. Выбрали новый комитет. Выдвигали кандидатов...

— Петра! — крикнула кто-то...

— Неясно, к чему выдвигать заводных идолов? — сказал мой сосед, десятиклассник.

— И тогда два года была в одной московской школе на отчетно-выборном собрании. Выбрали новый комитет. Выдвигали кандидатов...

— Петра! — крикнула кто-то...

— Неясно, к чему выдвигать заводных идолов? — сказал мой сосед, десятиклассник.

— И тогда два года была в одной московской школе на отчетно-выборном собрании. Выбрали новый комитет. Выдвигали кандидатов...

— Петра! — крикнула кто-то...

— Неясно, к чему выдвигать заводных идолов? — сказал мой сосед, десятиклассник.

— И тогда два года была в одной московской школе на отчетно-выборном собрании. Выбрали новый комитет. Выдвигали кандидатов...

— Петра! — крикнула кто-то...

— Неясно, к чему выдвигать заводных идолов? — сказал мой сосед, десятиклассник.

— И тогда два года была в одной московской школе на отчетно-выборном собрании. Выбрали новый комитет. Выдвигали кандидатов...

— Петра! — крикнула кто-то...

— Неясно, к чему выдвигать заводных идолов? — сказал мой сосед, десятиклассник.

— И тогда два года была в одной московской школе на отчетно-выборном собрании. Выбрали новый комитет. Выдвигали кандидатов...

— Петра! — крикнула кто-то...

— Неясно, к чему выдвигать заводных идолов? — сказал мой сосед, десятиклассник.

— И тогда два года была в одной московской школе на отчетно-выборном собрании. Выбрали новый комитет. Выдвигали кандидатов...

— Петра! — крикнула кто-то...

...не думаю, что самое страшное горе — это горько от ума. Куда там...

...я пор решил шла о мальчишках. Но есть и люди, которые...

...Помню французскую выставку в Москве. Там тогда были совещания с представителями различных...

...Естественно, они вызвали споры. Посетители, которые находились среди них много выслушали и осматривали картины и рисунки, а школьники...

...на них по сверхстроительному методу. Один пейзаж был настолько хорош, что вызвал восторг: «Великолепно, завтрашний день будет таким же, как этот!»...

...«Вот и все!» — давали себе труда задуматься. Пела? Предположим. Но почему? Хороший Писмо вероятно. Но «завтрашний день» и «завтрашний мир» еще не раздался...

...И такая была моя злость. Там хотелось крикнуть: «Да задулейте меня, черт возьми, но малейше временной слабости — это так раз, что всегда себя окупает!»...

...«Смогу» — это так раз, что всегда себя окупает! Смогу! — это так раз, что всегда себя окупает! Смогу! — это так раз, что всегда себя окупает!...

...«Горюла была я на одной шахте. Секретарь московской организации участва, парень лет семнадцати...

...назначил плав работ, вносил дни собраний, программы и т.д. Он был очень молодой, но очень честный. А потом разоткровенничался и стал жаловаться на себя...

...«Вот и все!» — давали себе труда задуматься. Пела? Предположим. Но почему? Хороший Писмо вероятно. Но «завтрашний день» и «завтрашний мир» еще не раздался...

...И такая была моя злость. Там хотелось крикнуть: «Да задулейте меня, черт возьми, но малейше временной слабости — это так раз, что всегда себя окупает!»...

...«Смогу» — это так раз, что всегда себя окупает! Смогу! — это так раз, что всегда себя окупает! Смогу! — это так раз, что всегда себя окупает!...

...«Горюла была я на одной шахте. Секретарь московской организации участва, парень лет семнадцати...

...назначил плав работ, вносил дни собраний, программы и т.д. Он был очень молодой, но очень честный. А потом разоткровенничался и стал жаловаться на себя...

...«Вот и все!» — давали себе труда задуматься. Пела? Предположим. Но почему? Хороший Писмо вероятно. Но «завтрашний день» и «завтрашний мир» еще не раздался...

...И такая была моя злость. Там хотелось крикнуть: «Да задулейте меня, черт возьми, но малейше временной слабости — это так раз, что всегда себя окупает!»...

...«Смогу» — это так раз, что всегда себя окупает! Смогу! — это так раз, что всегда себя окупает! Смогу! — это так раз, что всегда себя окупает!...

...«Горюла была я на одной шахте. Секретарь московской организации участва, парень лет семнадцати...

...назначил плав работ, вносил дни собраний, программы и т.д. Он был очень молодой, но очень честный. А потом разоткровенничался и стал жаловаться на себя...

...«Вот и все!» — давали себе труда задуматься. Пела? Предположим. Но почему? Хороший Писмо вероятно. Но «завтрашний день» и «завтрашний мир» еще не раздался...

...люди человека, как он сам говорил, «шевельте мозги»...

...«Когда Эрик было десять лет, он разлег в Тарту...»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

Н. КОЛОВОСА

Н. КОЛОВОСА

Н. КОЛОВОСА

Н. КОЛОВОСА

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

...«Ужасно!» — крикнула девочка. «А вы не можете сказать, что это было?»

Нет. Пусть лучше двести, а не тысяча, зато они приносят с собой не просто хорошие заработки. Они вернутся этакими же, как и вы, ребята. Они тоже будут. Так и получился. Ребята увидели, как везем люди в их дом. Они увидели, что газетная формула — министрство — это тепло, покой, надежная крыша над тех, кто долгие времена был не омытостью — министрством. И вот летом на стройки Эстонии поехали 2 тысячи студентов. Они поехали... Пошли... Вот откуда и родилась новая традиция. Ничего не делается по приказу. Зато ничего делается для того, чтобы заставить думать.

Как случилось, что в Тартуском университете сейчас студенты и будущие педагоги (а это неслучайно) с первого по третий курс работают в школах конатина и руководят кружками, на чужих восток и шкостом помогают учителям школах рабочей молодежи?

Большая часть студентов исторического, биологического и географического факультетов приобретает вторую профессию — учителя музыки и физкультуры. Что это, принцип Назарова против воли обстоятельства? Нет, они сами поняли, что это необходимо. Потому что летом в деревнях и селах библиотечных районов выезжают студийские бригады. Они идут учителя, окончивших университет на более 10 лет назад.

И выяснилось: выпускники университета знают свои предметы, но сделать что-то сверх программы не хотят, а главное, не умеют. И они обращаются с просьбой организовать кружок, просить лекции, провести вечер.

В деревне дорог каждый образовательный человек. Его уважают и уважают. И тогда ребята, которые не имеют богатства ни достают из своего багажа. И они как обидно бывает, находят «соло «налегке», приматывая накопленное от постороннего глаза! Тогда учителя сами и приходят к нам в школу. И мы с первого курса. Остальное вы знаете.

Недавно комитет провел в университете анкету.

По некоторые вопросы!

1. Какие лекции вы предлагаете реорганизовать и почему?
2. Какие темы считаете наиболее трудными?
3. Какие наиболее интересны?

Оказалось, у всех есть мыслительные, но больше всего удивили работу семинаров по общественным наукам!

Оказалось, у всех есть мыслительные, но больше всего удивили работу семинаров по общественным наукам! «...И все-таки я встретился с «Золотым листом» университета о нем застрял на студенческом университете нашего народа. Рядом с рисунками, изображающими браваду (корпусами) кружками, и полюбившимися девочкам, я заметила маленькую надпись: «Жить — значит наслаждаться». И она наслаждается — восхитился Фриш! — Но ведь думать — это тоже наслаждение... Думать и действовать!» * * *

Свол точка зрения — это плод раздумий, убежденность, цельность. Вот я и решила написать статью про эту свол точку зрения. Вы не согласны? Или давайте спорить...»

Романтизм

— Мы, наверно, действительно эгоисты, являя в реальное время для себя, а не... людей для людей... Ах, как же лучше, чтобы бы все забыл...
— А нам не нужно без забот и улыбок выдеривать ребята!...
— А нам не нужны ваши речи! Мы уже можем сами зарабатывать!

...Кстати, мы и этому не были готовы... Вы не возражаете, если мы вам немножко поможем... так, на базис! Мы должны это обсудить...

...Полина Абрамова больше не вмешивается. Пусть отцы и дети, и они разбираются сами, размырятся сами.

Может быть, это и о том я рассказывал, писателю моменту... малозначительный фантом: дескать, подушка-подушка, подушка-подушка. Но ведь ребята и на этот раз могли поискать на своих отцах, и они не захотели... Ишь обиделись, как будто отцы не их родители, а их мальчики.

И тем неприятие, что на близкие люди, которые все знают и от чего-то убеждать, от чего-то ограждать... И еще раз случайно старшильниками нашей 619-й школы задавали один вопрос: «Еще ли типичный вечер — показат

родителям свою историю нашей страны, нашей партии. Пошли в ход поэзия, музыка, кино, техника... И вот на эти вещи повлиять революционеры, участники гражданской войны, строители первых пятилеток — в коммюнах, картах, красных знамениях и в рабочих комбинезонах... И ним присоединившись участники Великой Октябрьской войны... И родители узнают в жизни.

Но подростки этой школы не ограничиваются лишь заволашеванной прав... Хотя и это уже говорит об их духовной зрелости. Они начинают делаться, активно входят в жизнь.

Ребята решили, что в их мирной жизни не должно быть одного худшего — в коммюнах, картах, красных знамениях и в рабочих комбинезонах... И ним присоединившись участники Великой Октябрьской войны... И родители узнают в жизни.

Мы постоянно приходим иметь дело с подростками, которые не имеют серьезности, романтичности, девичьей нежности. И мы разделяю и подчеркиваю их убеждения, которые не имеют серьезности, романтичности, девичьей нежности. И мы разделяю и подчеркиваю их убеждения, которые не имеют серьезности, романтичности, девичьей нежности.

Мелькнуло годы, как висло. Вы учитесь по книжкам новым, где все понятно, как по нотам. Вам очень, парни, повезло.

Родившиеся в разгар войны или в годовой срок войны, вы узнали еще по партам, когда пришли другие дни.

Когда пробил железный срок и с расправленным плечем отцы перакали слезы мальчине в тревожное трифидное строк, к победным и плачевным дням жизни заветную поправку, что рассказать крутую правду своим пытливым сыновьям.

Во всех изъятых приписки лет пришлось им долго разбираться, что таким было не разбираться, у вас полное аттестат.

Сегодня вы берете старт не так, как это было в прошлом. Сегодня вам намного проще, у вас полное аттестат.

Признаю уверших имен и звездных далее поперные познано ваше похильнее в формировании своего.

И вам хранит, нам девичьим, и ирепло помнить, в жизнь все ныне сделали отцами, мы перед ними должники.

Твое имя — лесное эхо, отдаленный вздох чужих. Твое имя — нежданная вежа, за которой терять путь.

Твое имя — расцветные росы улетучиваемых слез. Твое имя — осенняя просянка обнаженных ветвей бер.

Твое имя — крик журавлиный над равниной чужих. Твое имя — последний иней, на который отвалились мар.

ОЛОВЯННЫЙ ТРУБАЧ

Верю, скоро в дорогу. Утром, день на закате. Протруби мне тревогу, Оловянный солдатик.

С резко поднятым горном Ты стоишь на столе, — Не стану покорным. Я полюбил по земле.

И, покинув жилище, Я уйду на край света,

Где учение ишт Востыские ноты.

Где шумят океаном Востыские сосны, Где над оловяной Полюной Искристые звезды.

Оловянный солдатик, Говорю тебе строго: Тышини с моим ханит, Труби мне тревогу!

АРТИСТКА

Девичина кланится зеркалу. Она артист, она и зритель. Ее искусство — ее прекрасная Но вы на это не смотрите.

Вы лучше глядите, сколько В глазах тоскующих несутся. Пусть не хватят ей искусства, Лучше неидеальность ее прекрасная Пронизанная будто тонами, Она по комнате летает. Не ругайте ее, не тоните. Она так плавно опускается. Не удивляйтесь, не заворо, Влетает вихрем пласть синцево. Она заводит Удальцовых хлюст ситцево. Ее художества хлюст ситцево.

Книжка в палатке геолога, в кабинете самотента, в руках полночисных спорщиков-студентов. Писатели бригадильщиков альпачина в шпале. Это давно стало нашим бытом.

Романтики и литература — понятия братские, неразделимые. Наверное, лучшие читатели «Смены» уже познакомились с новыми книжками издательства «Молодая гвардия», на которых стоит обложка «Ровесник». Это начал свою жизнь отдел литературы для 14-17-летних романтиков, вестников в жизни.

6-8 миллионов книг подарит «Ровесник» своим читателям в 1964 году! Присли и читается книжки на серии «Ровесник шагает по планете». Они ярмарочного формата, хорошо индентифицированы и недороги. Яркие выпуски, написанные ведущими советскими и зарубежными журналистами, публицистами, и писателями-международниками, еженесячно появляются на прилавках книжных магазинов.

Вместе с этими книжками вы совершите увлекательное путешествие — за границу в самых разных странах. Среди уже подготовленных книг серии рассказ двух прославленных молодых шахтеров — Н. Северина и А. Кобылкина — о знакомстве с Америкой и А. Кобылкина — о знакомстве с Австралией. Сборник «Эхо юности» — в него вошли рассказы, стихи, публицистика, написанные в странах Греческой свободы.

«Ровесник» выпускает библиотеку «Твое

в дорогу романтики. Между собой мы называем ее «золотой». В ней собраны самые лучшие романистические произведения советских и зарубежных писателей. Уже вышли «Нак раздалась сталь» Е. Сергеевича, «Романтики и литература» Я. Ортеначева, готовятся к печати книги А. Фельда, Б. Полевого — всего около двадцати книг.

«Ровесник» издает также фантастическую и приключенческую литературу. Читатель встретится с чужбиной строгостью тигиновских баллад, со страстной лирикой Оли Берггольц, со стихами Константина Симонова, Александра Твардовского. Выбдут книги Л. и поэтки младшего поколения. Вы познакомитесь с романтической поэзией Неллы Матвеевой, со страстной публицистикой Роберта Рождественского.

Итак, друзья, специально подготовлена для вас подборка наших издательством наиболее интересных книг.

В. ОСИПОВ, главный редактор издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Кто был самым первым туристом? Историки осторожно уклоняются от ответа на этот вопрос, ссылаясь на отсутствие проверенных архивных сведений. Скорее всего это был кто-нибудь из наших очень далеких предков, решивший пешком выжить: что же надеется за тем бедным холмом? Но одно, безусловно, ясно. Он был малой, этот самый первый на Земле турист, полон энергии и запора. По дороге он сложил всеядную несюю обо всем, что видел вокруг, потому что, как утверждает туристская мудрость, если нельзя быть песком, потому что мир без песен тесен.

Ну да ладно, шутка в сторону. Хотите увидеть, какой выдался, как сон, хотите убедиться, что Днепр действительно чуден, и не только при такой породе, хотите узнать, что скрывается за горизонтом? Хотите? Тогда не теряйте времени даром, собирайтесь в поход, жалеть, ей-богу, не придется. Вы навсегда запомните удивительную красоту, официально именуемую кордономскими и норманнскими туризмом, ветры ближних и дальних странствий станут верными спутниками ваших походов. Счастливого вам пути, туристы!

КОМФОРТА НЕ БУДЕТ

Маршруты, которые мы вам рекомендуем, легко доступны и не требуют больших затрат на дорогу. Здесь вы не увидите проложенных туристских баз, но туристских баз, но отсутствие комфорта будет описано восторженно описанным ощущением путешествия по незнакомым местам. Итак, раскройте свои карты.

За 12-14 дней можно пройти вдоль реки Норжечен. Вы посетите знаменитое озеро Крутояр, о происхождении которого сложено немало легенд, связанных с графом Китежем, побывав в оборонном заповеднике. Стройные выровненные отравляются в реке, глубокие и красивые озера сменяются быстрыми водопадами. А уж трибуны и ягод здесь, нам говорится, невперворот.

Это путешествие особенно удобно для туристов из Горьковской, Ивановской, Ярославской и других смежных областей.

По душе придется оно и москвичам. Нежурочанам и их соседу, несомненно, понравится путешествие по Горной Шории. От отсутствия комфорта будет описано восторженно описанным ощущением путешествия по незнакомым местам. Итак, раскройте свои карты.

Любители водных путешествий на байдарках, лодках и плотах полюбят большое удовольствие от похода по реке Инвер в Башкирии. Песчаные отвалы, бурые перенаты, вымские ска-

лы, ущелья и даже пятиметровый водпад (неподлугу от села Асы) вы запомните навсегда. А необычный маршрут по Башкирии начинается от города Верашина и проходит по долине реки Белой до Стерлитамака. Заросли маляков, тропы маляков, плевенные пасеки... Неизгладимое впечатление оставит посещение Канской пещеры в ущелье Метель-Тав. Эта пещера стала всемирно известной после недавнего открытия в ней биологом А. Фроминым настоящих рисунков первобытного человека. В пещере немало еще неизведанных мест, новых ходов, которые ждут своих исследователей.

Туристских маршрутов по нашей стране не счесть. Они могут быть проложены в любое время. Для этого нужны лишь два условия: молодость души и желание.

ТУРИСТ

Несколько лет назад было опубликовано стихотворение Николая Карпова «У костра». Оно обрело вторую жизнь, став песней. Была бы просьба читателей, мы печатаем ее в «Юманитете».

Слова Н. КАРПОВА
Музыка В. БЛАГОНАДЕДИНА

Един дым создает уют,
Искры тлеют и гаснут сами.
Пять ребят о любви поют
Чуть окрипшим голосами.

Если б слышали те, о ком
Эта песня сейчас звучала,
Поблизки б сидя тайном,
Чтоб послушать ее сначала.

Чтоб почувствовать до конца
В этом данном таинном стане,
Как умеют грустить сердца,
Обуреваемые от сынтаны.

Един дым создает уют,
Искры тлеют и гаснут сами
Пять ребят о любви поют
Чуть окрипшим голосами.

Не свела

Ед-кий дыма-да-ет у-ют, ис-кри-п-та-е-ю и

гас-нут са-ми. Пять ре-в-ат о люб-ви по-ют

чуть о-хрип-ши-ми го-ло-са-ми, пять ре-в-ат о люб-

-ви по-ют чуть о-хрип-ши-ми го-ло-са-ми.

вод небольшого грота оштинина огромными свечами и кристаллами. В лучах фонариков грани кристаллов переливаются всеми цветами радуги. Среди ихменного хлоса пробиваются в глубь пещеры. Нависают огромные глыбы. Трещины их — и по подземным лабиринтам прокатится грохот обвала.

«Это подземное путешествие мы совершили по реке Инвер в Урале или Сибири. Всего в 35 километрах от Москвы, на берегу небольшого речки Ромаш, туристы-краеведы недавно открыли эту удивительную пещеру.

Разные профессии у наших ребят: Слава Мартынов — электрик, Инда Фомина — лаборант геологического экспедиции, Юрий Девинин — инженер-проектировщик. Есть в группе классики, научные работники, врачи. Объединят всех одно: жажда познания нового. Сколько чудес таится на туристских тропках! Вот и на этот раз тропка привела нас к таинственному под земелью.

Чтобы проникнуть в пещеру, пришлось ползти по узким известняковым лапам, преодолевать извешные нагромождения, «выдирать» руки глыбой в черные ямы щелей. Без тремировок щерая

У КОСТРА

ШУТКИ НА ПРИВАЛЕ

АЗИМУТ — научный способ заблудиться.

БАЗА ТУРИСТИЧЕСКАЯ — труднодоступный участок маршрута.

ДНЕВНИК — читается с увеличением, а пишется с уменьшением.

КОМПАС — прибор для потери ориентировки.

ЛОЖКА — оружие туристического труда. Попадет в нее смерти подобно.

МЕЧТА — см. Сон.

ПОДМЕТКА — самое уязвимое место в снаряжении.

СОН — см. Мечта.

ШУТКА — питательная камера сучконого района.

ЗЫБК — заменяет карты в любом районе.

ПОДУМАЙТЕ, СЛЕДОПЫТЫ!

Какая сторона муравейника более пологая?

Лучше или хуже слышны звуки в жаркую солнечную погоду?

На каком расстоянии можно услышать громкий крик (при полной тишине и на равной местности)? А звенящие посуды, котлов, ложки?

Как определить по следу рост прошедшего человека?

ЭТИКА ТУРИЗМА

Два дня на берегу Истринского водохранилища разбавляли молодые сосны, веревки у костров звенели песчи. Скопа облетела туристов собранных на своей слет. Козы она ушли, утром подыкала чуть приямта трава, и казалось, что здесь вообще никто не останавливался на ночле. Такая туристская этика: никогда не оставляй следов привала! Мусор сожги, что не сожри — закопай в землю. Ведь всегда за тобой придет друг.

Пят-6-7 тому назад московские туристы «эсэинтерпривировали» около 500 километров зеленых берегов Подмосковья. Недавно вновь прошли по тем же местам. Там же? Нет! Пыльешь по реке, а берега поредела настолько, что свободно просматриваются вальбу чуть ли не на сотню метров. Там, где еще можно столкнуть густая стена леса, попадаются сплошные «ламсы». Здесь отомысли валяры. У туриста с лесом добрые отношения: он несет с собой ламышки и стоишь для палатки, чтобы не рубить деревья. Он разводит костер на поляне, чтобы не обжечь корни, не подпалить ветви. А уходя, засаживает костер землей.

Так идут, по лесу настоящие туристы!

ТРЕТИЙ ТУР

Чемпионат «Романтика» продолжается. В третьем туре судейская коллегия предлагает участникам десять вопросов, посвященных самой популярной, самой массовой игре — футболу. Заранее предупреждаем: некоторые из вопросов «сложновысоки».

- Отгоревший вратарь достает мяч из сетки своих ворот. Вдруг он замечает, что из мяча вылетел воздух и он потерял свою форму. Должен ли арбитр засчитать этот гол?
- Футболист бьет 11-метровый штрафной удар, мяч пролетает мимо ворот, но судья замечает, что один из игроков «привинившейся» команды попал в пределы штрафной площадки, и справедливо решает повторить удар. Имеет ли право повторный пенальти бить другой футболист?

- Форвард одной из команд снял бутсы и продолжил игру босиком. Как должен реагировать на это судья?
- Победители чемпионата мира по футболу широко известны. Назовите первенство игроков всех шести мировых первенств.
- Что вы знаете о ботине Nike, и почему она изображена на золотом кубке, вручаемом чемпиону мира?
- Один из известных зарубежных футболистов — четырехкратный участник чемпионатов мира. Назовите его фамилию и футбольную «профессию».
- Назовите участником всевозможных юношеских соревнований — ныне известных футболистов, игроков сборной команд страны.
- Какую награду получила на международном соревнованиях вратарь московского «Торпедо» Азгур Кавалашвили?
- Когда в СССР были введены номера на футболках?
- В истории розыгрыша Кубка СССР был случай, когда полуфинальный матч проводился... после финала. Чем это было вызвано?

Ответы на третий серию вопросов чемпионата должны быть присланы в редакцию не позже 15 августа (по почтовому штемпелю).

По итогам первого тура чемпионата «Романтика» определена группа лидеров, в которую вошли 12 человек, приславшие правильные ответы на все вопросы и набравшие таким образом 10 очков из 10 возможных: П. БЕРИЮТАС (Ленинград), Е. БЛИНОВ (Москва), Е. ВОЛГАРЕВ (Курск), З. КОСТОЧЕНКО (Минск), В. МАРТЫНОВ (Пермь), В. МАСЛОВ (Архангельская область), С. МИСОНАС (Ленинск), В. МОРОЗОВ (Иркутск), В. МУХИН (Москва), Н. ЛЕОНТЕР (Уфа), И. ЛАЙНОВИЧ (Москва), И. СЛАВНОВ (Москва) и Ф. УШЕРЕНКО (Ижевск).

В следующем выпуске «Романтика» (см. «Специум» № 13) мы познакомим вас с ответами на вопросы первых двух туров и назовем фамилии новых лидеров.

МОЗГАМИ

не обойтись. Подземные путешественники — королевы физический силы и выносливости. Слова Мартьян, например, чувствуют себя здесь легко. И не удивительно: ведь их органы приспособлены к жизни в условиях, где обильно присутствует под землей, особенно в районе Хвалова пещера Урала.

В некоторых случаях, когда в пещерах остаются карнолы, морских личия и раковины моллюсков, обитающих в этих местах много миллионов лет. В карстовых, промытых во-

дами. Нелегко было найти обратную дорогу: многочисленные туннели очень похожи одна на другую. Уже в сумерках выбрался на поверхность. Пляско расхрипело еще один свой талант. Для того, чтобы найти небыстрое, интересное, совсем не обязательно уметь за тридцать земель. Присмотритесь внимательно, и вы буквально рядом с домом найдете свое маленькое «чудо», забывая при этом природу.

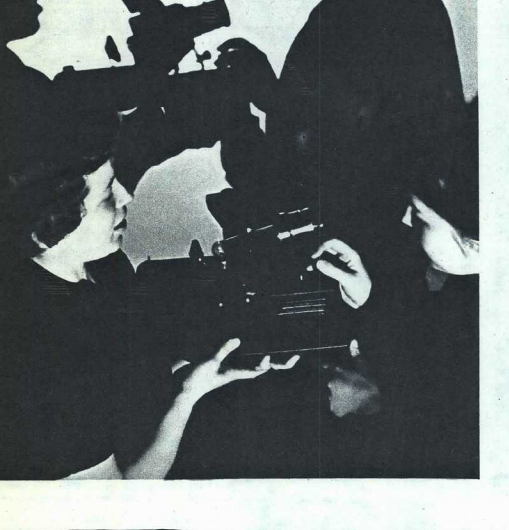
И. ПРОКОФЬЕВ

ДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ

остаток гнездятся целые колонии кристаллов, со своими большими, маленькими, со — стальной. Иногда стены — дризирами. В некоторых в адух, фанарных полбески — колоний светом. Большие не стальные. Самый крупный их видов достигает полутора метра.

что дай. Ведь в подожженных пещерах до сих пор, иногда не встреч-

Рая ИВУШКИНА

председатель совета клуба юных следопытов имени Илья Нелепина. Поселково-Воротынский средней школы, Калужская область

Завтра, можно сказать так: «Бригада» грянула туши. Променя фанеры. Потом сплелась из заглавок «Бригада». Но у нас не было ни ориентира, ни фанеры. Зато на сцене излучаю мы сохранили лесной привал.

И еще была на сцене земляника, и у входа в нее сидел прохаживший и нам Михаил Федорович Орлов. В год войны он командовал ОМСВОНом — отрядом моторостроитель бригадой особого назначения. Сейчас он говорил о боях за Ижевскую Худучену, о подвигах товарищей, о храбрости и честности, о том, что его боевые друзья были людьми железной воли и больших добрых сердец.

Я смотрела на электрическое пламя костра, на принудительные тени, что раскидали сосновые ветки, и назалась, видела этих людей. Стала и что-то весело рассказывать одетый в татарскую форму Виталий Медведев. Докладывая вернувшись из разведки Александр Долгушин, один из сильнейших в мире гребцов на каноэ-факе, обладатель «серебряного весла». Вычерчивая на карте расположение взрослых опытных пловцов Иновий Корольев — абсолютный чемпион страны по боксу. Карта была разложена на коленях, и сменная но-

ловеть мела по ней, сполно бурлила на гладкой дороге. Ветер старался загнуть карту, и потому чертить было неудобно. Я представила себе так в лесу. Снег попал за ворот. Стало холодно и странно в темном, урюмом лесу, по стене побегали мурашки...

Объявили слово предоставляется председателю совета клуба юных следопытов. Я сначала дала не пошла, что мне надо встать и говорить. Выновалась нутно. Кто-ни рассказали о том, что сделали мы, комсомольцы из Поселково-Воротынского средней школы, за три года нравственно-образовательной, научно-исследовательской работы, нам собирали экспонаты музея, который открываем сегодня, наведе у нас планы. Все вроде бы по порядку, а рассказ получился будто сухой отчет. Это потому, что думала о письме Людм. Люд — моя подруга. Мы познакомились два года назад в Артеке. Она живет на Далеком Востоке. Ей и я писала совсем не так, как говорю сейчас. Начала, наверно, с воспоминаний о Крым...

Помню, Люд, когда собралась на мнеюку и пошла в походы. Забралась на гору, Стоим на своей вершине. Глазевею восхою. Море синевенное. И белый пенный гребешок вдоль берега, кажется, предостерегает нас на цыпочки и полететь, будто за спиной крылья. Потом мы говорили

Антуражная ее эти лунный Ленин на солнце и приходит: ну-ка, морщины гобуровые, че-ба! Давая, давая, смеясь — долом, ведемом, на-режной И не замешши, как заманит на самую середину...

Только взрослые не понимают, до чего трудно устоять перед ее юнками. Взрослые думают о промисских юнках и возмущаются насморком.

Но выдумщики они отличные. Каждый день открывают что-то новое вот Нави-мер, Ботинки. Обнадевшие, один из них левый, другой — правый. И так же история со всеми турфами валеями, Ботинками и даже лопатками. Или завели игру в «автра», «вчера» и «завтра». Потому что если, что-то не знает — все на асмете порошующих. Потом учились петь про фляжок. Потом — лепить из пластилина кошку, тут что-то вроде финля-стику. Потом — считать. Потом описывать кружок. Потом... Показал, самый талантливейший ставилась детского сада не перечислять всего, чему их учат взрослые воспитатели. Они умеют вставать рано-рано и велья день бить бодуны и выжи-вающим. Они умеют петь на песня прорги и порчить шапозонную вышивку на изумильной посуде. Они умеют надвигать спящих и расписных и увлечь все сиваком. Они умеют уговари-ваться, им не подумали, а им крепко уснуть после обеда.

Иногда они умеют все на свете, потому что родители

надею утро сполноно отдадут им на рука своих детеныш и получают их обратно вечером, морщины гобуровые, вынылились, чуткою повароз-девшие за проводившие дни. Готовит таких уникальных взрослых педагогических учителей № 3, которых находят в Москве на Садово-Самованском улице.

Почему может поназывать, что здесь музыкальная школа. Целые дни не стихают звуки рояля, сиренов, гитар, аккордеонов, полющих голосов. Потому что у каждого из этих студентов одна рыла в надею индивидуальное задание с педагогом — пенне. За четыре года учебы каждый студент хорошо овладевает выбранным музыкальным инструментом, приобретает навыки преподавания музыки, подготавливает детский профессиональный репертуар.

Потом можно попутать, что тут нечто вроде финля-нда института иностранных языков. Студенты стараются говорить между собой по-английски, по-французски, по-немецки не только на уроках. Ведь им надо хорошо владеть языком, чтобы затем легко учились ему и малыши.

Уже на втором году обучения начинается практика. В этот день много выносятся в их жизни. К именим надвигать лет и все свободное время посвящается делу, а есть дома, и всему, чему научили их в семье, в школе, училищах, кружках, учить они сами. Это очень важно, потому что очень важно, не со спол преподавателей...

Это не тентовый театр и не «Латерна-магика». Это лаборатория, где постигаются «тайны» кино.

БЕЗ НА ПЯТНО Б

РАССКАЗ

Ресторан был отличной, и одежды, и вино, и диас, и лица были эстетичные, а еда не так пошловата. Это я насчет того, как мы с Ниной Кононовой были в Париже. Турнистическая поездка. Там у нас был один случай. Даме не случай, а разговор.

Мы сидели за столиком и смотрели на украинку. Отлично работала, была хороша, и мы на него смотрели, а он на нас не спрашивал. Почему он нас расслаивает? Сторожки советского нонсала, который пришел с нами, ответил:

— Он не вас расслаивает, а меня. Вчера в консульство приехал, выяснил кое-что. Он русский.

Украинка звали Витинором. Он и нам подошел и спросил:

— Зачем вы сюда пришли? Да вот хотая посмотреть попутную жизнь. В Москве этого нет.

Витинор спросил:

— Вы куда едете? Как сейчас в Москве Холодно?

— Он меня называл мадам-узель. Какое приятное, ласковое!

И тогда он рассказал, как был в пионерском отряде лавки раков.

Он уехал из Москвы в скором первом году. Мама у него была инженер. Ступила на электростанцию. Пожари летом и бабки в Белоусовский. Там их застала война. Обычная история тех лет. Потом оккупация, потом уехали в Германию, потом — в Бельгию на военный завод, потом там уехала от жизни моя молдава. Витинор тогда был четырнадцать лет. Его мать была еврейка. Он все хорошо помнит. Он вообще хорошо помнит. Как был в пионерском отряде в Москве, учился.

Он участвовал над ними электростанций, у цехов был коллективный пионерлагерь, бывшее имение графа Налера, тамиста прудами и плавучими катками, и там в Витиноре была одна девочка с длинными белыми косами. Она учила всех читать «Мещерин Демитрова» и получила премию, но Витинор получил премию за то, что выпелся из плавильни рыцаря печаль-

ного образа Дон-Кихота. А потом мы только поставили своего Дон-Кихота на одно то девочку.

А потом они все пошли в лесок за двадцать километров от лагеря и поставили палатки, а вино, в овраге, среди сплюснутой долины была маленькая речка. Всею ночь они жгли костры и пели песни:

Летим мы, товарищи,
дорогой высокой.

Наш путь над тайгою
Аму му широкой пролеги.

А выдал мой глубокий,
Мой Давидий.

Советский Восток...

А когда все улеглись, Витинор проснулся под иррадиацию лучей (палатка даже просушила руку под палатку, и все ночь Витинор держал за руку ту девочку, и руки у них совсем не закончили, хотя трава между палатками была все мокрая от росы).

А наутро он встал первым и сказал вино и речке через кусты, которыми зарос лесок. Он начал уговаривать, но его за палец укусила рава. Тогда он влез в воду. А вода была жаркая, потому что сейчас еще только всходило и не доставало до дна оврага. Д. он шарил руками под берегом и прямо из нор доставал огромным рылом и вынимал их на траву.

Когда горюнет протрубила на завтрак — старый тайной сказкой, он начал вальчить пели слова: «Бери лодку, бери бак, лодки несут — полая там...» у него рыло было на целую историю. После жареным с солью, с перцем, с лаверром, но он все не потогрелся у костра и лигал зубами и все его хазили на ординарному. И только девочка с белыми косами пришла, а в нее тут давил.

Витинор все говорил и говорил. А на сцене под музыку в танцевали девушки, а он все угодил танцевать. Он танцевал, как он ловил рыбок и танцевал, как он ловил рыбок и танцевал, а потом сказал:

— Я не хотел быть, не надо смотреть на сцену. Потому что сейчас будет стриптиз, это знает вся аудитория...
Парень из нашей делега-

ции, Серена, вдруг османился, как волк!

— Нет уны, пусть смотрит на стриптиз... Пусть смотрит на это элитанное развлечение...

Парень был все время некрасивый, а тут, когда рассвирепел, стал вдруг красивым, и мы смотрели на сцену. Только мне почему-то на минуту не захотелось спать.

Подумавшись, гоюе тело, что тут танго? Во-первых, это совершенно, на всех пляжках сейчас все фатичиские почти голые. Потом судорожно всегда рисуют окрашенную натуру, и брава, и вообще это красиво, если фигура хорошая. Не в этом дело. Я даже не знаю, как сказать, что это было. Это гущее было. А на ней еще была черная прозрачная шаль, как на Диннонеме из Буары. И глаза у нее были умные, как у Диннонемы. И фигура у нее была, трудно себе даже представить, какая у нее была замечательная у фигура. И тут я почувствовал запах. Как будто это совершенно и прощала носом. Не могу я про это рассказывать.

А Витинор продолжал рассказывать, как они возвращались ночью из палатки. — Шли по луночной дороге, а в двух сторон стояла сосновый бор, а над головами было бледное от луночного света небо. Все устали после двух суток поездки в этот лагерь. И тогда старшая пионерматрост Сила сказала:

— А почему барабан молчит?

Витинор перекинул барабан со спины на грудь и вытаскивал из-за пояса палочку. Горюнет протрубила два раза, и остался один барабан. И все сразу подтянулись, восприняли духом и понесли барабан к сцене. Витинор провлек. И все встало. И кан это хорошо. Потому что на луночной дороге барабаны барабаны были вальчились марши. И для того, чтобы хорошо получалось, надо было ночью барабаны барабаны палочкой от сырости следить, чтобы барабан был туге натянут, для этого в вальчились, и пропружиним поверх барабана издавали сухую треск — цели техника. И нужно было уметь барабаны, нужно было палочками дергать за сере-

дину, и чтобы барабан вился на груди, на носочках, погости боком, и, главное, нужно, чтобы была луночная дорога, и двое сутон счастья, и девочка, и девочка с белыми косами, которая читала «Мещерин» лучше всех, и отряд походы, и чтобы совсем не вышло, и чтобы эхо разносилось над сосновым бором, и чтобы была Родина.

А потом Витинор вдруг оглушился наезд и увидел, что он остался один. Совершенно один один по ночной дороге, а впереди бенит длинноногая черная тень. Проглаживала, маленькая мальчишка в белой рубашке, и испачканный пиютею один из краев темного леса идет и барабанный пионерский марш. Потом из-за поворота показались отряд.

— Ну и темп у тебя! — сказала старшая вожатая Сила.

— Смеялись. Только девочка с белыми косами не смеялась. Она понимала, что к чему.

— Самое лучшее мое воспоминание, — сказал Витинор. — Ничего такого у меня жизни больше не осталось, ну, хватит сантиментов.

Тут стриптиз кончился, и эта женщина вышла раслинявшись почему-то одетая, тогда же сказала: (оной это бывает: вдруг скинуешь платье, но по дороге, а впереди бенит длинноногая черная тень. Проглаживала, маленькая мальчишка в белой рубашке, и испачканный пиютею один из краев темного леса идет и барабанный пионерский марш. Потом из-за поворота показались отряд.

— Ну и темп у тебя! — сказала старшая вожатая Сила.

— Смеялись. Только девочка с белыми косами не смеялась. Она понимала, что к чему.

— Самое лучшее мое воспоминание, — сказал Витинор. — Ничего такого у меня жизни больше не осталось, ну, хватит сантиментов.

Тут стриптиз кончился, и эта женщина вышла раслинявшись почему-то одетая, тогда же сказала: (оной это бывает: вдруг скинуешь платье, но по дороге, а впереди бенит длинноногая черная тень. Проглаживала, маленькая мальчишка в белой рубашке, и испачканный пиютею один из краев темного леса идет и барабанный пионерский марш. Потом из-за поворота показались отряд.

— Ну и темп у тебя! — сказала старшая вожатая Сила.

— Смеялись. Только девочка с белыми косами не смеялась. Она понимала, что к чему.

— Самое лучшее мое воспоминание, — сказал Витинор. — Ничего такого у меня жизни больше не осталось, ну, хватит сантиментов.

Тут стриптиз кончился, и эта женщина вышла раслинявшись почему-то одетая, тогда же сказала: (оной это бывает: вдруг скинуешь платье, но по дороге, а впереди бенит длинноногая черная тень. Проглаживала, маленькая мальчишка в белой рубашке, и испачканный пиютею один из краев темного леса идет и барабанный пионерский марш. Потом из-за поворота показались отряд.

— Ну и темп у тебя! — сказала старшая вожатая Сила.

— Смеялись. Только девочка с белыми косами не смеялась. Она понимала, что к чему.

— Самое лучшее мое воспоминание, — сказал Витинор. — Ничего такого у меня жизни больше не осталось, ну, хватит сантиментов.

Тут стриптиз кончился, и эта женщина вышла раслинявшись почему-то одетая, тогда же сказала: (оной это бывает: вдруг скинуешь платье, но по дороге, а впереди бенит длинноногая черная тень. Проглаживала, маленькая мальчишка в белой рубашке, и испачканный пиютею один из краев темного леса идет и барабанный пионерский марш. Потом из-за поворота показались отряд.

— Ну и темп у тебя! — сказала старшая вожатая Сила.

— Смеялись. Только девочка с белыми косами не смеялась. Она понимала, что к чему.

— Самое лучшее мое воспоминание, — сказал Витинор. — Ничего такого у меня жизни больше не осталось, ну, хватит сантиментов.

Тут стриптиз кончился, и эта женщина вышла раслинявшись почему-то одетая, тогда же сказала: (оной это бывает: вдруг скинуешь платье, но по дороге, а впереди бенит длинноногая черная тень. Проглаживала, маленькая мальчишка в белой рубашке, и испачканный пиютею один из краев темного леса идет и барабанный пионерский марш. Потом из-за поворота показались отряд.

— Ну и темп у тебя! — сказала старшая вожатая Сила.

— Смеялись. Только девочка с белыми косами не смеялась. Она понимала, что к чему.

— Самое лучшее мое воспоминание, — сказал Витинор. — Ничего такого у меня жизни больше не осталось, ну, хватит сантиментов.

Тут стриптиз кончился, и эта женщина вышла раслинявшись почему-то одетая, тогда же сказала: (оной это бывает: вдруг скинуешь платье, но по дороге, а впереди бенит длинноногая черная тень. Проглаживала, маленькая мальчишка в белой рубашке, и испачканный пиютею один из краев темного леса идет и барабанный пионерский марш. Потом из-за поворота показались отряд.

— Ну и темп у тебя! — сказала старшая вожатая Сила.

— Смеялись. Только девочка с белыми косами не смеялась. Она понимала, что к чему.

ДВА РАССКАЗА О ЛАСЕВИ

Михаил КОРШУНОВ

Рисунки В. АРОНИНА

КРУГЛЫЙ СВЕТ

Круглая дорожка проложена среди виноградников. Спускается вниз, в поселок, к морю. На крутых поворотах дороги стоят зеркала. Это чтобы водителям была видна встречная машина. Зеркала большие, круглые.

Летом их нагревает солнце, и они долго остаются теплыми, даже ночью. Осенью и зимой прилипают листья, висят на них капли дождя. А зимой их закрывает снегом. Но ненадолго — снег быстро тает. Иногда в них заглядывают облака и яркие планетные звезды. И уже конечно, проезжая по дороге, заглядывают все автомобили.

На одном крутом повороте было зеркало, которое принадлежало Зое и Мите. Принадлежало их двоим.

Когда Зоя шла на то место, где они встречались с Митей, она останавливалась около этого зеркала. Смотрела на себя, на свои рыжие волосы и зеленые глаза.

— Ты, как два виноградника, — говорил ей Митя. — Волосы — осенний виноградник, а глаза — летний.

Зоя смотрит на себя, думает: хорошо ли это? Красиво?

Зоя всегда ждет Митю на старой вышке, построенной из четырех столбов, с навесом из брусков и площадкой посредине. К площадке ведет небольшая лестница.

Эта вышка стоит среди виноградников. Когда созревает урожай, на ней дежурят сторожа.

Зоя поднималась на деревянную площадку и сидела одна. Сидела, как два виноградника — осенний и летний, над всеми другими виноградниками, сейчас пустыми, змюнками.

Отсюда хорошо были видны море, кипарисы, подпорные стены, горы, камнедробилка в горах, где обрабатывали клипел и шибен. Видно было, как подвезают самосвалы к бункерам камнедробилки.

Открываются заслонки, и клипел и шибен с грохотом сыплются в кузова машин.

Митя работает на самосвале.

После работы он поедет вниз, в поселок, к морю.

Зоя ждет его здесь, на старой вышке. Это бывает каждый вечер с тех пор, как они поружились.

Митя недалеко от поворота, где стоит зеркало, свернет на обочину и поставит машину так, чтобы фары светом показали в центр зеркала.

Тогда свет от зеркала уйдет к старой вышке. Уйдет круглый, словно луна.

Митя оставляет свет включенным, чтобы в темноте на самосвал не выскочили круглые машины, и сам идет туда, где на земле горит круглая луна.

Эта необычайную луну среди виноградников видно отсюда: на поселке, где живут Митя и Зоя, с камнедробилки, где наступила на работу ночная смена. Ее видит машины, которые проезжают по дороге, ее видит даже с моря команды катеров и рыбаки.

И все, впадок, что принадлежит она Мите и Зое. Что это их собственная луна.

РИТА

О Серебряной беседки Влада и Рита поднимались на тансы. Беседка была построена в горах над самым обрывом.

Влада хотел показать Рите сверху побережье, а потом пешком спуститься обратно в город. Можно спускаться по шоссе. Сейчас, в конце октября, шоссе пустое, движения почти нет. Идти будет удобно.

Они стояли и смотрели вниз.

Внизу широко открылись скалы, лес, озеро в лесу. Широко открылся город с набережной, портом, кораблями в порту. Открылось и все

море с бухточками и заливами, сплошь забитыми белой пеной прибоя.

Счетило яркое солнце, и было совсем не холодно. Кипарисы повисли и покраснели. Отчетливо выделались сучья сосны.

В воздухе пахло свежими листьями, пахло осенью, и одновременно пахло прогретой солнцем хвоей, пахло летом.

Медленно и тихо двигались облака. Они дигались к городу, к морю.

Рита погладела на облака и сказала: — Их делают здесь, в Серебряной беседке.

— Да, — согласился Влада, — Похоже.

— Не похоже, а точно. Откуда-то берется туман, сворачивается все гуще и гуще, и облака готовы. Прямо у наших ног!

Влада погледел на Риту. Рита, в белых туфлях и в белом свитере, казалась сродни этим облакам.

Внизу прозвучал свист.

Рита сказала: — Кто-то охотится.

— Да, — согласился Влада, — Похоже. Звук выстрела отозвался в скалах и медленными шло.

Влада задал, что если рассадит еще один выстрел, он скажет Рите, что любит ее. Наберется смелости и скажет. Возьмет за руку или за плечи, чтобы совсем рядом был ее белый свитер, ее прозрачные на солнце волосы.

Только бы еще один выстрел...

И выстрел, как назло, прозвучал.

Первое, что сделал Влада, — разохляпал на охотника (и надо же, выстрелил!). Потом разохляпал на себя (и надо же, задался: и скажет, и за руку возьмет, и на плечи).

И тут еще с сосны упала шишка и стукнула Владю по голове.

Рита засмеялась. И какая-то птица на сосне тоже захрюкала, засмеялась.

Рита подняла шишку и показала Владе.

— Не сердись. Она совсем мяткая. Ее всю растоправили, семечки доставили.

Влада боролся сам с собой. Он не сердился на птичку, он сердился на себя: описать задался и описать, как всегда, ничего не выполнил. Он уже и прежде задался: то на гудок пародию, то на пеструю счастливую кошку, то на двадцатку вольгу прибор, то на самую маленькую тень от самого маленького дома, на которую Рита должна наступить.

А Рита думала: неужели не видит, что она сама любит? Ходит и молчит. Молчит и ходит. Рита кинула шишкой в сосну. С ветки слетела птица и улетела.

— Ну вот, — сказала Рита. — А теперь пойдем вниз.

Влада кинул: победил. Рита легко по ступенькам беседки сбегала на шоссе. Влада сбегал вслед за ней.

— И давай есть груши, — сказала Рита. Влада достал из кармана куртки груши и подумал: может быть, загадать на них?

Рита и Влада пошли вниз. Идти по асфальту было легко и приятно.

Еще с лета, когда асфальт был горячим, мяким, в него попадали зеленая хвоя. Теперь асфальт засыпал, и хвоя в нем осталась. Застыла. Кое-где торчали даже шишки. Они тоже остались, засыпши.

Рита сказала: — Влада, как это интересно — основной асфальт!

— Да, — согласился Влада.

Он шел и думал: загадывать на груши или не загадывать? От желтых и красных кленов на асфальте лежали желтые и красные тени: листья здесь, на горе, очень чистые, и пропускают солнечный свет. Желтые и красные тени — на зеленом сосновом асфальте.

Дорога петляла между скалами, пересекала

полям, лесные просеки, высокие речки или оказывалась среди густых зарослей вечнозеленых кустарников.

Влады уже не думал, загадывать ему по группам или не загадывать: все группы были сделаны.

Шаки молчал. Рита чуть вперед. Свитер на руке делался то красным, то желтым—это когда Рита проходила под красным или желтым клееном.

— Может быть, опять загадать на тебя? — подумал Влады.

Вдруг раздались выстрел, совсем близко. Потом на дорожку выскочил полвеет, ценюк месяца семи-восьми.

Шанок обрадовался, когда увидел Риту и Влады. Подбежал к ним.

Белая за плечком выскочил парень в армейской рубашке, в кедах и с ружьем.

— Вы кто? — нахмурился он на Влады и Риту. — Собираетесь?

Влады и Рита решили, что парень говорит их за то, что они стоят с его собакой.

— Ивинные? — сказала Рита и отняла от щенка руку.

— Почему идете и молчите? — кричал парень. — Двое идут и молчат!

— Я вас не понимаю, — сказала наконец Влады. — Кто вы должны делать?

— Разговаривать? — Разговаривать?

— Да. Идут себе и молчат. Двое — и молчат. Поишет скрылся в зарослях. Под его лапами закружили ветки.

— Ну, а если мы просто так гуляем? — пыталась оправдать Влады.

— Вас же не слышно, дожидайте вы это или нет? А если стреляют. В просеках стреляют, охотятся. А дорога между просеками туда-сюда крутится. Теперь вам понятно?

— Теперь понятно, — сказала Влады.

Парень с ружьем прислушался. Ветки в зарослях не хрустели.

— Собака где-то стоит. — И парень с ружьем убежал.

Рита и Влады снова пошли по дороге вна. Рита чуть вперед. Ее свитер делался то красным, то желтым, когда проходила под красным или желтым клееном. На асфальте зеленая юбка, пижма — остались, застали. Неужели сократится до следующего лета?

На одном месте на поляне лежал иней — большое белое пятно с резко очерченными краями. Слово сюда, на траву, опустилось облако — осталось, застыло.

Рита поглядывала на облако. И Влады поглядывал.

Вдруг из просеки выскочил поишет, тот же самый, черный. Шанок обрадовался встрече, а Влады испугался.

В лещом выскочил парень, тот же самый, в армейской рубашке, в кедах, с ружьем.

— Опять молчите?! — закричал он почему-то Влады.

Влады растерянно развел руками.

— Ну, если вам не о чем и не говорить, пойте, напойте.

Шанок скрылся в зарослях. Парень с ружьем побоялся влезть за ним.

Рита улыбнулась Влады и сказала: — Какой востанет на это облако.

— Просто стоять нельзя, — сказал Влады. — Надо разговаривать.

— Ничего. Может быть, они не скоро пойдут.

— Может быть, — ответила Влады и вдруг опять мучительно подумал: а не загадать ли это на облако?

Рита как раз на него испугалась и пошла по белому облаку в своем белом свитере. На облаке оставались следы от ее туфель.

Влады пошла за Ритой, все еще в смутении — загадать или не загадать.

Рита сказала: — Ты когда-нибудь стоил на облаке?

— Никогда. А ты?

— Когда это я был, потом за плечик и пошелова на-то удивительно просто и естественно.

— Теперь будешь со мной разговаривать? Не смейте и не лезь, а разговаривать? Нам еще долго сидеть.

Влады широко открыла рот, глотнула воздуха, самым глупым образом подпрыгнула на облаке и взорвал: — Рита! Рита-а!

Что останется от Кешки

Об этом много и мучительно думает десятидвухлетний Андрей Колосин по прозванию Букавар, герой романа Владимира Орлова «Соленый арбуз» («Юность» №№ 11, 1963).

Каша прожил на свете 23 года и погиб по невольной силе. Он не был идеальным человеком, не совершил выдающихся подвигот. Разве что, рискуя горой, а до края лезал на почти неприступную скалу, им же называную Тарелкой, и на вершине ее выцарапал слова, за том числе и невпрямичные. Неужели, думает Букавар, только эти выцарапанные а камне надписи и останет от Кешки навеки?

Зачем вообще люди живут на Земле? Или жить, чтобы эта жизнь не была бессмысленной, призрачной? А эти «проклятые» вопросы сталкиваются неизбежно каждое новое поколение.

Ведь в жизни — как при решении задачи с заранее известным ответом. Ответ-то, конечно, написан на последней странице задачника, но пока ты сам не решил задачу и не пришел к этому ответу самостоятельным

И. МОТЯШОВ

путем, ты еще не знаешь математики.

Вспомните прочитанные вами книги соавременных советских писателей. Сколько неодинаковых характеров, непохожих судьб! И в конечном итоге история почти каждой судьбы — это история того, как человек находит своим, субъективно индивидуальным путем к коммунистическому убеждению, оставаясь или в борьбе и несет другим людям.

В том же «Соленом арбузе» один путь у Букавара, другой — у Виталия Леонтьева, третий — Ольги, четвертый — Зойки. По-разному складываются пути и судьбы вчерашних десятиклассников Виталия Рисного, Лины Якубе и Тони Горниченко из романа лауреата Ленинской премии О. Гончар «Горная», Сергея Журавлева и Галии Корюковой из романа П. Халова «Последний циклон» («Дальний Восток» №№ 5—6, 1963), Савы Гавцова, Геннадия Хромова и Лены Шиншиной из романа И. Герасимова «Соловьи» («Нева» № 10, 1963), героини повести Е. Люфанова «Тонкая» («Подъем» № 5, 1963), юного героя повести Е. Носова «Моя Дюкунгула» («Наш современник» № 4, 1963), дочки Гали Макаровой из повести А. Кузнецова «У себя дома» («Новый мир» № 1, 1964). Более того, сами литературные образы названных героев воссозданы писателями с различной степенью художественной достоверности, правдивости и глубины, да и вклетка книг, о которых пойдет речь — люди, живущие в разных местах нашей страны — от Украины до Приморья! — принадлежащие к разным писательским поколениям, отличающиеся по своим творческим индивидуальностям. Но есть и общее, что позволяет поставить эти произведения и эти герои в единый ряд. Перед нами книги, в которых, если говорить о прозе последнего года, быть может, наиболее отчетливо проявились тенденции, характеризующие нравственный, духов-

ный облик нашей сегодняшней молодежи. Всех названных здесь героев отличает единство цели. Все они толькоступают в самостоятельную жизнь, и где бы они ни находились — в украинском совхозе или на дальней таежной окраине — чем бы они занимались, — все они так или иначе приходят к каждому к своей Дюкунгуле, которая, как размышляет герой Е. Носова, возмущает человека енад всем миром и обиденным, порождает мстят и тягу к познанию.

В последние годы советская литература после довольно долгого периода вновь заговорила во весь голос о том, что первоначальными человека могут быть и «простые» профессии. Люфановская Тонька и кузнецовская Галия Макарова работают на колхозе, одна — телентичка, другая — дворник. Мне думается, заслуга обоих писателей в том, что они не расписывают этот выбор своих героинь как исполнение некоего сурового долга, как нечто самоотверженное, самоотрешенное. Тонька действительно талантливо телентичка. И Галия действительно увлечена своим трудом дворня. Обе работают с вдохновением, с подлинным азартом, труд доставляет им творческое и эстетическое наслаждение. И оба повести написаны так, что поэзия отнюдь не чужинского и не легкого труда, непоказная влюбленность героинь в их скромное де-

ло зарекает и читателя. А разве Тоня Горниченко («Горная») остается забвению в совхозе только потому, что она «спотригивается на самоотрешенность в институт? Показывая в неогладную степь с пасущимися овцами, она говорит своему любимому: «Вон много космоса». В эти слова — много граммов иронии: космос, «Дюкунгула» не там, куда человек выносит авторитет родителей или собирания личной выгоды, а где он не дело обрел себя.

Увещавший на строительство дороги Абакан — Тайшет Каша, как и писательница Лина из романа О. Гончар, как и герой повести Е. Носова, находится еще на пути к своему истинному призванию. Важно, что поиски идут в верном направлении, что человек не ищет «легкой» жизни, не лезет, не поднимает. Каша погиб слишком рано, в нем так и остались как бы два Кешки, несовместимых друг с другом. Один работал радистом и мотулся, проработав самостоятельную опасность, доставал горный цветок эдельвейса для заболевшего товарища; другой, написавший, одна «облетела» в лив в арму. Что останется от Кешки! Надписи на Тарелке! Но Тарелку релить взорвать: на ее месте проляжет трава будущей дороги. Это символично. Вместе с Тарелкой взлетает на воздух и рассеивается пылью «невпрямичные» слова, нецарянные Кашкойazole своего имени. Ничего не останет от другого Кешки. Каша и Рита — это два стальные рельсы на просеке, которую вырубал в тайге Каша. Придут на стройку абаканские друзья Кешки и братья Логовы. И январь, поросший словно «чувствоза» ответственности и за ту долю труда, которую не успел завершить Каша в своей короткой жизни.

«Соловьи» прозаиком И. Герасимовым «Соловьи» печатались одновременно. В них непохожие сюжеты, люди, события. Но тем показательно сходство в самом направлении

писательской мысли. Через двадцать лет после войны умирает от старости инженер Сергей Замiatин, и полюбившая его Лена Шинкина, свертнувшись Буварки и Кешки, думает: «Где же... не уходит против тебя... И неважно, как ты жива раньше, потому что в тебя вселяется частичка ушедшего человека и в ее очках круто беречь».

Замiatин и Кешка... Разные поколения. У одного за плечами трагический опыт войны, мудрость прожитых лет, большая душой культура. Другой, по сути, делает лишь первые самостоятельные шаги. Разница колоссальная. Но есть и у Кешки пусть немного, пусть не успевая взрывать и раздвигать по-настоящему, но такое, что очень нужно беречь. Это то родное человеческое, прекрасное, особенно жалкое, что люди по крупицам вытаскивают себе тысячами летими. Выработывали в упорнейшей борьбе с природой, а эксплуататорами, со своими собаками-близкими, с нечестными. Передавали бы брачно из поколения в поколение, чтобы потом появились Маркс, Ленин, чтобы появился Человек коммунистического общества. Недаром, когда в первый Кашки после буварки, буварки, а вдруг ощутил Ленина как своего, рядом стоящего человека, ему открылось долго ускользавшая суть его понимания слова времени, и он понял ее как несомненною эс-

тафату лучшего людей, передавшему от поколения к поколению.

Отцы и дети

В романе П. Халова «Последний щиток коммунист Баба-тонко, прошедший сквозь огонь Отечественной войны, говорит: «На все дом я один остался, а мне за молодым небабато. Чтобы шли они нашей дорожке... Чтобы всегда хотят, чтобы сыновья шли по их пути», — вторит ему другой герой романа, полковник Колостоль.

Вторит? Но ведь эти одинаковые и правильные слова проносятся разными людьми: один — настоящий коммунист, другой — бернвеев, человек, давно потерявший моральное право на высокое звание члена партии. И совсем не одно и то же, по крайней мере, на двух дорожках пойдут сыновья.

В наше время, говорит Н. С. Хрущев, нет противоречия между поколениями, не существует проблемы отцов и детей... Новый смысл проблемы «отцов и детей» заключается в том, что наследование и развитие революционных традиций, предшествующих поколений стали одним из основных законов жизни нашего общества. Однако это не механический процесс. Превращение поколений утверждается непрерывной борьбой не только со старым, в неустанным преодолении рудиментов индивидуалистического, по сути своей буржуазного, сознания и идеологии. Наследники поколений старого могут быть в любом поколении. Но элементная логика подсказывает: если бы каждый последующий поколение не было бы свободным от перенятых, как предшественные, общественных прогресс прекратился бы. По счастью, это не так. Например, П. Валов помнит, как Коростоль ухаживал похвалу сына-дворянина Левку на свою «дорожку», воспитав из него

расчетливого карьериста и негодяя, если писатель во все голоса говорит об опасности и нигилистичности подобного влияния, то О. Гончар, художественно исследуя сложную ситуацию, изображает «буна» Лены Якубы против своего «култавова» отца. П. Халов показывает, как бывает и как не должно быть... Гончар показывает, как бывает как Милославский, в некоторых случаях — страстный призыв к негибристичности, к борьбе. Но против чего? Кем же, не против отца-волевого, а против разлагающейся душой индивидуалистической рожки, за торжество ленинского призыва, за торжество высокой человечности. Союзники друбу бы описана отравительная метаморфоза, судачки соседу Буварки. Они считают Андрея чужим не сумасшедшим: зачем, после десятилетия покаяния на далекой таежной стройке в носовой повести «Моя Дюмолюлю» соседя героя разогордил дар старого дога на крохотные участки. Только одна тропка была Милославскому, судачки у уборной, а рядом с тропой раскалили «ничейный» тополь. Персонажи повести не злодеи. Воплощенные, такие обаятели, даже замка в сердце, но в другой у беде. Они сплели тополь, потому что он обильно эмитирует их картофельные огородчики. И только два человека в доме, юный герой да неважно вой-

ны, понимают всю мерзость этого дела, но в силу опеки и любви не могут не имея цены красоте.

И опять было бы глубокой ошибкой видеть в названных конфликтах нечто то полярности между поколениями. Опять ведь идет о борьбе только со старым. В этой борьбе самыми верными союзниками и надежными учителями выступают на стороне молодого неважно, представители поколений, совершивших революцию и отстоявших завоевания социализма в годы Отечественной войны. Это представитель союзного рабочника Лукья Расная, капитан дальнего плавания Иван Дорошенко, директор совхоза Пахом Христинич (Тронка), комиссар Можаев, солдат Коста Шинкина и инженер Сергей Замiatин («Соловьи»), майор МВД Карганов, начальник «визитера» Полозов, слесарь Баба-тонко («Последний щиток») и многие другие герои современности.

Самое сложное испытание выпало тогда молодежи, которая в 41-й прямо с войны шла в лагерь, а потом в лагерь уходила на фронт. Многие из них в 37-м и в последующие годы лишались отцов, близких, хороших старших друзей. Как горели: сын за отца не отечество. Им вояжики враги народа. Молодые люди безраздельно верили Сталину, верили в безусловную справедливость советского правосудия, но они не верили в себя, верили людям, которых знали, как самих себя. «Сын за отца не отечество...» — размышляет один из молодых героев романа. И вояжики: «Далекая Вега» («Полетные №№ 2—3, 1963»). А если все люди перестанут отвечать за свои отцы? Что же скажет человек? Или вояжики? Или комиссар... Отец Клима был попольщиком. Отец Степа воинный и сельчак где-то там, а Ленин Маннервич. Почему же ни не отвечать за отца?

Но отвечать — значит верить и сохранять, несмотря ни на что, пре-

данность и доверие тем, в ком живет ленинский дух, кто сам верен красному пролетарскому знамени. И, зная, бороться с теми, кто этот дух утратил, кто варит коммунизму лишь на словах, а не на деле. Ответчик — значит продолжать дело, начатое отцом, значит брать на свою ответственность весь мир, который он должен был и должен для нас, который мы должны передать нашим потомкам еще более прекрасным и устойчивым. Вот почему и берет чабанскую геральду на рух старшего отца юная Тоня Горпищико. А Буварка, каждый раз заново волнующийся при виде или даже только при воспоминании о шестидесяти, который приняты прошедшие гражданскую войну патлочки, этот «машинный» Буварка берет в руки, когда нужно, и топчет плотника, и пилу лесовоза, и заступ замесителя, и молот пугачевский и без долгов разговоры бросает в ледяные волны бушующей реки, чтобы передать срочный приказ.

«В человеке нет мелочей»

Лена Якуба, окончив школу с серебряным медалью, всем своим существованием... жаждет постичь все одну

он поверит ей и будет с удивлением повторять: «Никто его не знает... Он наговаривал на себя... А мы не знали...» «Предложки, знания», — обрывает его Виталий и на слова Буварки: «Он... лучше, чем мы думаем...», — отвечает жестко: «Чем ты думаешь».

Что же выходит Буварка, влюбленный в Лена, а как инстинктивно знает о людях хуже, чем они есть на самом деле? А циничный Виталий оказывается куда гуманнее Буварки.

Нет, тут другое. Тут именно вера и желание, стремление принимать мир и самому жить естественно, без дипломатии, без фальшивых условностей. Сам Виталий не носит никакой маски и именно поэтому кажется такой раз смешным в своих непосредственных, по-детски чистых порывах. И он не может подражать маске на других, разгадывая, что же тамтис или может тамтис за ней. Но что делать? Пока маски существуют, приходится выискивать и шипеть, и шипеть и срывать... Например, с Николая, который, предав сначала любящую женщину, потом погубив товарища и, наконец, еще бригаду, совершенно спокойно на чужбине, где он не должен были решить бороться... Начальник сказал: у вас все денники... И проценты и кодекс...»

Но теперь Буварка знает: нет у Ни-

науку, может, самую глубокую, науку это то, что человек, чтобы никогда не грязла совесть, чтобы не было стыдно за тебя твоим деталям... За отца, холодного фанатика, никогда не видевшего за ней живых людей, ей стыдно перед людьми. И она спрашивает капитана Дорошенко, человека, ничем не запятанного себя в годы культа личности: «Скажите: никогда вы не кривили душой? Ни в чем не шли против собственной совести? Во всем ваша жизнь была безупречной? И пожилой моряк, незнакомый с коммунизмом, глядя прямо в лицо суровой правде, отвечает отрывисто: были заблуждения, были ложные шаги и ошибки... Молодежь готовится жить в коммунистическом обществе. И она стремится жить так, чтобы не пришлось кривить душой, идти против собственной совести. Она стремится жить так, чтобы во всем ее жизнь была безупречной. Мне думается, полади Буварка, кем же он создан Владимир Орлов, сразу в совершенном, так сказать, законченном коммунистическом существо, он пришел бы не так точно влюду, ему не нужно было бы ни в чем переделывать себя, ни в чем сомневаться, ни в чем сомневаться. Но это потому, что Буварка в чем-то плох. Скорее наоборот, он так порой устроен в будущее, что перестает правильно разбираться в настоящем. Он, например, идеализирует Николая, потому что верит его боевой шинели, его щедрой улыбке, его умению работать, его умению верить. Она же, которая любит Николая. И он не особенно высокого мнения о Кешке, потому что опять-таки верит всей натуре. И Кешкиной браваде. И тогда, когда Дада уже после его гибели скажет: «Никто не знал Кешку», —

когда никакни «денники». Все — ни правды и кода... во всем обманное, фальшивое. Потому что инстинктивно она знает, когда нельзя уже слышать даже мелкие на первый взгляд недостатки ни в обстоятельстве, ни в человеке. Буварка приходит к решительному выводу: «В человеке нет мелочей, в человеке все — главное! Вот почему и сам он, не боясь показаться кому-то смешным, «несовременным, ни в чем, ни в яноту не отступает от высоких принципов подлинной человечности, чистоты, благородства. И в этом его подлинная современность.»

Такие герои нужны в литературе. Такие люди нужны в жизни. «Понимание, что ты для меня значишь! — говорит Лена Якуба, впервые в жизни, стоящему полюбившая девушка с «дурной» репутацией... Понимание, что я теперь смелая на людей и они мне кажутся похотимыми на тебя... Люди таме! Таме! И я должна быть такой...» А ведь когда-то и Зойке казалось, что люди «все такие», как убежденная индивидуалист и собственник Иван Зойка, впервые, как человек, усмехаясь, как Николай... Не случайно и сам Андрей Колосихин много раз вспоминает о Ленине, вспоминая, что не передала ему своего волнения, какое испытывает люди, особенно приближаясь к великому, душой, всем существом своим постигающему Иван Зойка. Вот почему должны быть люди. Какими они могут быть. Не просто наследники всего лучшего, что выработано в себе человечество. Но и борцы, уминаящие это наследство.

а стеном шкафа, среди пыльных вещей, собранных мною в разные времена, в разных концах земли, рядом с ошкенинами знаменитой Ланги, увешанной в носос, и святилищико, который поворачивал по южные туниисине друзья на раскопках Карфагена, лежит белый кристаллический кусок обыкновенной соли. Он небольшой — размером помещается на ладони. Его острые кристаллы сух и прозрачны. Слой поплава сюда издалека, за тысячи километров, из Центральной Африки. Это соль Тауденина.

Впервые я услышал это название в Мали, на берегах Нигера, могучей африканской реки, воды которой разливаются в период дождей на сотни километров по зеленым лугам, пописином травосе бугу.

В Мисие в это время была зима — минус двадцать, в Африке — лето в полном разгаре. Термометр в Тимбукту показывал за сором. Небо было туманом, чуть нечетыватые это ветер Сахары поднимала мелкую пыль. Словно песчаный туман обволакивая горячо дышало солнце.

Мы остановились в крохотной гостинице на берегу одного из разветвений Нигера. Вода была границей пустыни и саваан. На одной стороне неприличные намузу жавалые, орманные, красивые цветы сплюснником унизывали ствол последнего дерева без единого листочка. На другой — пустыня, белая, с редкими кусточками подыскожающего кустарника. И там на тысячу и тысячи километров, до самого Средиземного моря.

Пустыня дышала зноем, вода — прохладой.

Мне чеший друг Иркин чувствовал себя плохо. Он лежал в номере гостиницы, задыхаясь от жары. Его температура тоже поднималась и сорвал он забавел. Толстая, непорочиватая черной кожей хозяйка крохотной гостиницы, где мы остановились, Зайна Альганис хлопотала около него. — Как быстро поставлю на ноги, — говорила она торжопливо. — У меня есть такое лекарство...

Иркин уже все было уразличено.

Зайна

— Тащите, — сказал он уныло. — Мне нужна ушла вскоре возвратилась с тяжелым ярем раскрасившимся ларцом в руках. Иркин даже не поинтересовался ее поведением.

— Это вода Тауденина, она излечивает от всех болезней, — сказала хозяйка. — Посмотрите.

И она подняла тяжелую крышку ларца. Крышка была полупрозрачной, а в ее утолщении рассматривались необычный материал, из которого был сделан ларец. Нет, это был не камень. Я не мог ошибиться — это была соль. Вырезанный из одного куска наивенной той древней восточной сказки. В выдолбленном углублении лежал глиняный сосуд. Хозяйка вынула его своими длинными, тонкими пальцами, внутренняя часть которых в силу сучужности адрес традиции была покрашена черным ланом. Африканцы считают индусским белый цвет своим цветом даденей.

— Достаточно нескольких глотков этой воды, чтобы человек выздоровел, — уверено сказала она.

Хозяйка отыщила глиняный сосуд — был закупорен плотно притертой пробкой — и налита четверть стакана кристально чистой, голубоватого цвета воды. Маленькие пузырьки газа сразу же осели на стенках.

Я пригубил стакан. Вода была горько-солоная, но удивительно свежая, почти ледяная.

Иркин слабо улыбнулся. — А вынул? — сказал он. — Ведь болело же!

— Обожжете, — остановила его хозяйка, — сперва я вам раскину, откуда это лекарство... Так лучше поговорим.

И вот в раскину. За восемьсот километров от Тимбукту, далеко в пустыне, находится солончак юго-востоку от единственного места в Африке, где соль лежит на поверхности открытая небом.

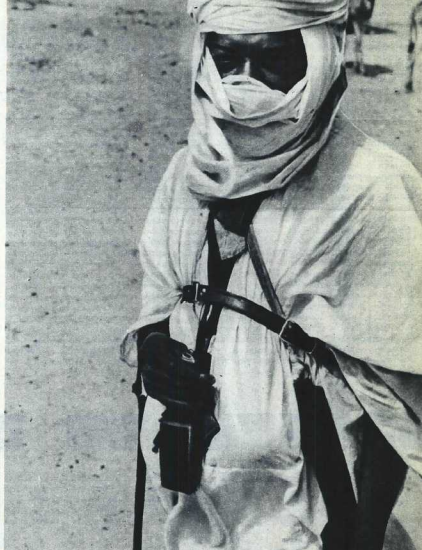
Ежегодно из Тимбукту уходит в Тауденину караван из соляных мешков двадцать тысяч верблдов. Это тяжелый, изуродованный путь через пустыню. Двадцать пять суток, тяжелые ношачи, ориентируясь по звездам, идет караван в пустыню.

Иногда караванчики из верблдов тридцать везут воду и пищу для людей и животных. На двадцать пятую ночь караван прибывает к солончаку.

Солончак невет и работает там, в центре пустыни, никто не определяет ни зная Торвард, иногда их бывает несколько сот человек. Иногда — много.

Тауденина морозостое, не республикан. В пустыне свои законы, свои правила игры. Здесь люди, иногда не бывавшие рабами, работают из сил продолжать, размеренно со стей пластичной соли. Крохотным государством в государстве управляет религиозный человек — хаким. Власть его беспредельна. Он может назвать себя правителем, назвать на месте приговаривать провинившегося и изгнать в пустыню, что тоже почти наивенная свирь.

Самые дорогие и ценные являются в Тауденину вода — вот эта самая соло-

Погонщик верблдов.

новато-горная влага. Она по налпам сочится из священной силы. Ее собирают на шпатель, как драгоценность. Все знают если не придет караван и высохнет сила, люди погибнут от жажды. За восемьсот километров в округе другой воды нет. Только эти крохотные, солоные, как слезы, голубоватые налив.

Караван не задерживается в Тауденина больше, чем на один день: немчи кормит верблдов, нечем питать людей. Погонщики нагружают продовольствие пилы белой соли на горбы верблдов. Четыре пилы на каждом верблдове, и мучительная дорога обратно. Более медленная и утомительная. Пилы двадцать пять суток через обволакивающие пески и ледяные ноши пустыни.

Когда соль привозит сюда, — продвигала хозяйка, — ее продают на базарах для всей Африки. Она уходит на пароходах по Нигеру в Дагомею, в Нигер, в Гау, на Берег Слоновой Кости.

Погонщик верблдова получает стоимость трех плит соли. А человек, который в Тауденина под обволакивающим солнцем вырубил эту соль, отказывая себе во всем, получает стоимость лишь одной плитки из четырех.

По существованию занятия никто не имеет права вывезти воду из Тауденина. Но если она извину-либо чудом попадет в руки саваанца, человек может быть сплоснен; ему не страшны никакие болезни.

— Так давайте же! — почти всерьез просит Иркин, протягивая руку и стакану.

Он пьет медленно, крохотными глотками ледяную воду, навлеченную из солоняного ларца.

— Постарайся заснуть, — говорит Иркин, вытирая губы разгореченной ларцонью.

— Я выхожу, санусь вода реки и думаю об удивительной и необычной судьбе города Тимбукту, в котором мы задержались.

Это о нем писали в своих фантастических романах Жюль Верн и Луи Буссенар. И даже сегодня, читая запись в юни-

ге отзывает в гостинице, я встречаю такие слова. — Я специализировался на песчинке самых отдаленных мест земного шара. Я участвовал в экспедициях по Тибету и Монголии, Центральной Азии и Непалу, побывал на островах Южных морей, в горах Афганистана, в Андах и в Перу, я бродил по глубинам джунглей Малайи и посетил прежнее, — поименные — жители города Южной Америки. Но допустить сказать, ни одно из мест, где я побывал, ни в какой степени не может сравниться по силе впечатления с Тимбукту.

Где-то слышна музыка. Прислушиваясь: это мужи хозяйки, черногазый марокканец со сросшимися бровями и черными, вытутнутыми в нишочку усачи, от нечего делать крутит платоневые пластинки. Это — наследие, оставшееся от французского гарнизона, лишь год тому назад навсегда изгнанного из Тимбукту после крушения колониализма в Мали. Рабочая борда играет «Марш парашютистов».

Мы кавадлеры неб — нам все нечего! Женщины — иши, улычки — нам. Мы идом, засучив рукава, И поем песни о жизни...

А за спиной у нас несмешно ступает вперед, кавадлеры неба! Смейся! Пора! История скрипит под нашими бышками!

— Неужели тебе не надева эта ничтожная песенка! — кричит Зайна своему черному музю.

Он, разволнованный от жары, смотрит на меня безразлично и непонимающе. Все равно.

Тимбукту — стим Черной и Белой Африки. По углям города, засыпанного песком, среди глинобитных стен и плоскострижных зданий без окон ходят туарги. Это Белая Африка, они бесконечно красивые и грациозны. Длинные, вытнутые лица цвета слоновой кости. Чуть волнистые волосы по плечам. Тонкие усы и борода д'Артаньяна. Голубые

глаза и чувственные губы. Они бедны, дети пустыни, но они горды и самодостойны.

У каждого без плеча длинный, вышиванный в безвестных музиках, пустыни мех. На ногах сандалии. Встречая вас на улице, они не замечают вас и как бы проходят мимо вас, словно через стеклянные двери.

Туараги живут в пустыне и никогда не были под властью колонизаторов. Когда здесь появились французы, они ушли в пески и только время от времени возвращались обратно.

Здесь, на этих же улицах, мы встречаем и лиловолицых африканцев, пришедших в Тимбуку с юга. У них другая религия, другие традиции, другой язык.

Когда-то, в стародавние времена, через Тимбуку проходила Великая дорога рабов и ороков кола. Черные рабы дингались на север через Сахару. Вместе с замованными в цепи пленниками названы уссуки и знаменитые орехи кола, заменяющие в Африке кофе и вино. Кола стимулирующее средство. Не зря американцы звели его в состав своего знаменитого напитка «кока-кола».

В XIV веке в Тимбуку был создан университет. Сюда приходили набираться мудрости ученые из Каира и Мекки. Есть все основания предполагать, что здесь останавливались ученые посланники Самарканда и Бухары.

Истории и опустошительные войны прокатились через Тимбуку. Но самым страшным врагом жителей стали колонизаторы. Они пришли сюда, распыленные фантастическими рассказами французского путешественника Рене Кале о богатстве и знатности Африки. Молодой, отчаянный парень, он, может быть, сам того не желая, стал пионером колониализма. Это он впервые привез во Францию рассказы о чудесном городе с неуступчивой природой, о соляных копях Тауденин, о богатстве и щедрости местных властителей.

За путешественником авантюристом потянулись капитаны и полковники. Зашагали по пыльным дорогам французские солдаты — колониальные войска, готовые на все. Покатились артиллерия.

Сегодня трудно и больно вспомнить страшные дни покорения Африки культурными европейцами. Достаточно сказать, что на месте знаменитого университета были разбиты военные казармы и лагеря французских войск.

Достаточно вспомнить о бетонном памятнике, поставленном на песчаной площади города. После изгнания колонизаторов его так и не сняли — пустая стойл! Этот памятник французы поставили в честь своего полковника Ванье и французских офицеров, уничтоженных туарагами. Ну что же, решили жители Тимбуку, пусть памятники возмущаются сегодня в честь смелых борцов против колонизаторов!

Отсюда первые легкие самолеты летают на Тауденин, и крохотная радиостанция, поставленная в далеком пункте пустыни, изредка передает восточной о жизни людей, врывающихся в соляные пласты под безжалостным солнцем Сахары.

Около Тимбуку строится крупнейший в республике аэродром.

— Когда-нибудь он станет главным перевалочным пунктом всего воздушного сообщения. Африки... рассказывает мне устный марокканец, прерывающийся кричать пластинку о «доблестных парах».

— Недавно по дороге на Тауденин появились автомобили с буровыми установками, — продолжает он. — Это ваши русские геологи помогают нам искать нефть.

В наш разговор неожиданно вмешивается Займа:

— Возьмите на память. Это оттуда... — говорит она и протягивает мне белый кристаллический кусок соли, свободно размещающийся на ладони.

...Как и всегда в пустыне, ночь приходит стремительно. Черный бархат ее почти мгновенно опускается на песчаные барханы, на разогретые солнцем разлоды Нигера, на ослепительно яркие цветы февраля, на пыльные улицы Тимбуку. На небе высалает крупный, невидящийся горюх звезд и Милени. Путь персеид падает бархатный купол от горизонта до горизонта, подобно серебряной дороге, уходящей вдаль.

— Когда-нибудь такая же дорога будет проложена на Тауденин, — задушно говорит хозяйка гостиницы. — А вы знаете, Ирки уже спустился! — оживляется она. — Я же говорила вам: вода обязательно выльется египет.

Добрая и наивная женщина! Она даже не догадывается, что и да Ирки крепкую дозу стрептомицина. Но пустой светит сегодня этим гордым людям пустыни серебряная дорога на Тауденин! Ведь это дорога новой жизни...

Загадка элементарных частиц дразнит ученых.

Оптимисты против пессимистов.

«Я скептик,—говорит известный американский физик-теоретик Дайсон.—Мы так же далеки от понимания природы элементарных частиц, как последователи Ньютона были далеки от квантовой механики».

Его мнение: разгадка придет через сто лет.

Оптимисты думают иначе: открытие, которое положит конец спорам в физике элементарных частиц, не за горами.

В чем же трудности проблемы?

**физика
перед**

**„БЕЗУМНЫМ“
скачком**

*Есть многое на свете, друг Горацио,
О чем не шло даже нашим мудрецам.*

Шекспир.

Теория относительности и квантовая физика ярким светом озарили многие тайны космоса и мира атомов. Первые 60 лет нашего века озаменовались десятками блестящих открытий. Эти годы по праву будут расцениваться как вторая героическая эпоха в физике, соперничающая с великой эпохой Ньютона, а может быть, и превосходящая ее.

Но в последнее время произошло то, что редко случается за столь короткий срок в истории науки: на подступах к сердцу атома великие теории друг другу...

Драмы разыгрываются главным образом в сокровенных глубинах атомного ядра и в связи с рождением (но всегда законным) новых частиц. Теория стала катастрофически отставать от опыта, перестала понимать и объяснять его! Эксперимент с каждым днем становится все более блестящим, уверенным, хитрым, но теоретики все чаще оказываются не в силах предсказать его результаты.

В земную атмосферу с огромной скоростью врывается космическая частица и раскалывает на сотни осколков встречные атомы воздуха... В синхротроне спуска искусственных космических частиц неумолимо бомбардируют мишени. И встреча «снарядов» с атомами мишени рождает целый фейерверк элементарных частиц: протонов, электронов, мезонов и... ряд таинственных, неизвестных еще людям. Эти незнакомки представляют объект самого жадного интереса ученых.

Но большинство вновь рожденных частиц и не «думает» дожидаться, пока ученые внесут их в свои списки. Они умирают, прожив меньше чем мгновение, просуществовав в десять миллионов раз меньше, чем ускользающе малая величина — время обращения электрона на своей орбите вокруг ядра! И все-таки экспериментаторы успевают решить буквально феноменальную задачу: сфотографировать следы «частиц-мгновений», взвесить их, измерить электрический заряд, энергию и время их жизни.

Как же объясняет теория это удивительное, фантастическое разнообразие частиц, вдруг вспыхивающих и мгновенно исчезающих? Как она рисует свойства «частиц-призраков»?

Увы, никак! Современная теория пока не способна дать ключ к объяснению этих явлений.

«При ответе на эти вопросы мы попадаем в парадоксальное положение,—открыто признается директор Объединенного института ядерных исследований член-корреспондент Академии наук СССР Д. Блохинцев.— Дело в том, что при достигнутой сейчас точности измерений физик-экспериментатор нигде не находит противоречий с принципами теории относительности или квантовой теории. В то же время физик-теоретик имеет основание подозревать принципы современной теории в ограниченности.

Явление столкновения ядер, сопровождающееся рождением огромного числа частиц, не поддается расчету, преданию, математическому анализу! Ученые могут рассчитать траекторию космических кораблей, предугадать район их посадки на другой планете, наконец, сфотографировать скрытую от нас половину Луны, но... Когда теоретики пытаются описать взаимодействие малых частиц материи, они приходят к неураз-

ным выводам. Получается, что частицы должны обладать бесконечно огромным электрическим зарядом и бесконечной массой! Если верить формулам, то урановый атом должен иметь заряд ядра больше Солнца, что, естественно, противоречит и здравому смыслу и последним научным данным.

Итак, частицы материи не укладываются вместе в мире известных математических образов, хотя в обыденной жизни они прекрасно ладят друг с другом, никак не нарушая законов микромира. Не допускается ли, чтобы в природе были в чем-то не было существовать привычные предметы, состоящие из миллиардов миллиардов элементарных частиц.

Число элементарных их и на бумаге, ученым сейчас приходится отказываться от рассмотрения связей между отношениями между частями, от изучения того, что происходит при очень тесном их сближении, то есть отказываться от попыток разобраться в самом интересном.

О сит про никто не может сказать, завершена ли система частиц, или она продолжает свои открытия. Никто не знает, каковы из них элементарны. Нет даже ясного определения того, какие частицы нужно считать элементарными. Хотя положе на то, что элементарны являются те, которые являются простыми соединением других частиц.

Например, мезоны и гипироны никогда не рождаются в одиночку, а всегда группами, хотя бы из двух частиц. Причем в различных условиях из одного и того же исходного «материала» могут образоваться различные «продукты». Конечно, эти частицы не элементарны.

Но если при реакции «частица» превращается на несколько осколков и среди них есть такие, которые не меньше исходной, то эти последние, пожалуй, можно условно считать элементарными. Такой подход вполне законен.

Вспомогательный протон получается нейтрон и еще две частицы, при распаде нейтрона — протон и две другие частицы. Массы протона и нейтрона очень близки, значит, эти частицы элементарны, они, по существу, не распадаются, а превращаются друг в друга.

Откуда же берутся новые частицы, рождающиеся при этих превращениях? Еще недавно ответ показывал бы красноречиво: они возникают из энергии, которая в различных условиях может быть превращена в частицы. Если превращение происходит внутри ядра,—это же дело внутряядерной энергии. Если частица свободна, то это ее кинетическая энергия.

Мы постоянно становимся свидетелями того, как энергия — ядерная, электромагнитная, механическая — в соответствии с предсказаниями Эйнштейна трансформируется в частицы. Мы можем наблюдать, как частицы и античастицы исчезают, порождая кванты энергии электромагнитного поля.

Мы уже не сомневаемся в том, что энергия обладает инерцией и испытывает действие поля гравитации, что и эти «материалы» то существует независимо от нашего сознания.

Возникает вопрос: не является ли то, что мы называем энергией, равноправной формой материи, превращающейся в соответствии с еще неизвестными законами то как поля, то как частицы? Не правы ли Эйнштейн и де Бройль, считавшие волны и частицы единой сущностью?

Как же преодолеть ограниченность теории, которая пока не в силах разобраться в заворающем многообразии элементарных частиц? Как разрешить конфликт между теорией и практикой?

Каков механизм неисчерпаемости электрона и других частиц? Что представляет собою атомное ядро? Каковы ли это какой-то особый неведомый механизм, жидкости, возможно, сверхтекучей, сходной по своим свойствам с очень охлажденным жидким гелием? Ступок ли это особые ядерные сил?

Суть Бор ввел в календарную теорию строения ядра атома. Академик Боголюбов придерживается сверхтекучей модели ядра.

Продолжает свои попытки построить теорию строения ядра и в соответствии с еще не Гейзенберг, прошедший к мысли о том, что пространство и время, возможно, не образуют непрерывного многообразия. Он рассматривает мо-

дель мира, в котором существует минимальное пространственное расстояние — квант длины, который много меньше размера ядра атома. Гейзенберг считает, что на расстояния, меньшие этой длины, невозможны никакие, даже мысленные эксперименты.

Физики от этой теории не ждут ничего нового. По их мнению, Гейзенберг предлагает лишь «близкие от района, уже обследованного учеными. Они говорят, что теория Гейзенберга недостаточно «безумна», если пользоваться определением Бора, так говорится, что она является попыткой, связанные с квантованием времени, с отказом от применения теории относительности к событиям малых масштабов. Ученые пробуют построить новую теорию, основанную на теории Гейзенберга, но в крайних случаях, которые пока еще не поддаются измерению, время течет скачками. Не непрерывно, как это получается при отсчете обычными, пусть самыми точными, даже атомными часами, а изменяется маленькими порциями. Трудно пока говорить действительно ли это скачки времени или принципиально необходимые скачки любого часового механизма. Мысль ученых долго полить, взглянув на теорию Гейзенберга с одной стороны, с другими, а другие переключаются практически непрерывно.

Квантование времени, расстояния и многие другие теории это, как говорится, «близкие от района», как из попыток удовлетворения, но все же, как из попыток удовлетворения критерий Бора.

Ученые двадцатого века уже привыкли к тому, что самые плодотворные, самые гениальные идеи, которые пришли в науку революционно, рождались чаще всего не из планомерного развития какого-то направления. Они возникали бурно, дискуссиями, они не взидали с привычной логикой авеню, переживали бурные дни, они казались поначалу сумасшедшими, безумными...

Именно это и заставило Бора задуматься над теорией Гейзенберга. Бор, к удивлению многих, выбрал тогда совсем необычный критерий для того, чтобы решить, насколько приемлемо то, что быть правильной? Достаточно ли далеко искал ученых, не слишком ли близок район его «раскопки» от уже разрытых другими учеными «ярусов» истины, или, наоборот, слишком ли отдаленных частей где-то далеко, за пределами ярусов современных поисков... Или она подтверждает ученым где-то рядом, где они ищут уже много лет...

Всегда намечался кое-какой просвет в этом «темном» деле. Появился даже метод, который позволял раскрыть законы жизни элементарных частиц. Ученые называют эти методы фамилиями: «аддисперсионной» и «реджикстинга». Реджикстинга — метод, не связанный с какими-либо прибором или инструментом. Это сложнейший математический прием, составленный из целого набора промежуточных выкладок. И не все они непосредственно увязываются с физическими процессами. Это абстрактные математические выкладки, но в результате они приводят к совершенно тонким практическим выводам. Метод этот предложил итальянский физик Т. Редже.

Метод дисперсионных соотношений разработали советский математик С. Н. Боголюбов и американец М. Голдберг. Они использовали уравнения, аналогичные хорошо известным физикам дисперсионным уравнениям оптики и электродинамики, применяя их к расчетам из области ядерной физики и физики элементарных частиц.

Оба метода позволяют на основании экспериментальных данных о существовании частиц предсказывать кое-что о характере их взаимодействия. И наоборот, располагая данными о характере взаимодействия, можно угадать участвующие в нем частицы.

Но эти методы так сложны, что ученые пока даже не пытаются их использовать в жизни. Они только знакомятся с ними и возлагают на них большие надежды. И подтрунивают над таким положением вещей, показывая друг другу шуточные диапозитивы. Недавно в печати была опубликована одна из работ, в которой производится в пустые раскопки. Под их полетами виден outline какого-то древнего сооружения. Под рисунком подпись: «Это может быть самым большим открытием века, но вы видите в том, как глубоко оно иде!»

Подсвоякая над шуток, ученые том не менее весьма серьезно относятся к новой возможности проникнуть в тайны микромира. Они не

уксортелях проверяют экспериментальные следствия новых методов расчета, пытаются считать экспериментально, надеясь на успех с идеями квантовой теории. Ведь много благодаря тому, что на заре квантовой физики Поль Дирак смело стоял на своих расчетах привычного с неприкосновенностью, сочетая теорию относительности с привычными методами квантовой механики, он вывел теоретическую физику начала XX века из очередного тупика.

Пока трудно сказать, как глубоко позволят новым методам проникнуть в тайны микромира. Во всяком случае, у многих они вызывают недоверие. Гейзенберг, например, выступил в печати с резкой критикой нового математического метода. Но американский физик Г. Чэп и некоторые другие ученые считают, что эти расчеты — дело микромира. Пока что «реджикстинга» и «аддисперсионная» очень напоминают пару ключей из уединенной связи, которые, возможно, откроют, а возможно, и не откроют заветную дверь...

Вопрос, который волнует сейчас физиков,— были ли не так? Введет ли нас в микромир Гейзенберг? Или это теория относительности или этого не будет, и вновь нужно ломать ставшие уже привычными физические концепции современности?

И еще: что же такое «реджикстинга» и «аддисперсионная»? Нечто грандиозное и всемогущее, революционно новое, теории, способные разубедить гордые умы, или... или это просто два первых шага на пути одной математической интерпретации микромира?

Так теоретическая физика второй раз за полстолетия очутилась на распутье, перед необходимостью выбора направления. Как одно из же последние физиков — небывалый в истории науки случай — снова готовится к революционной ломке своих представлений.

А как это трудно, видно на примере со знаменитым английским физиком прошлого века Релеем. Это ученый обладал очень свежим восприятием своего нового. И все же в 1899 году он сделал предположение, которое как нельзя лучше характеризует затронутую нами ситуацию.

Почти за тридцать лет до этого он опубликовал работу, посвященную ему всемирную славу. Это была теория, объяснявшая голубой цвет неба,—успех теории света. Она исходила из того, что свет — это волны, а не частицы, а свет — это энергия. Это было сложная теория, во многом спорная даже до появления электромагнитной теории света Максвелла. После возникновения современного взгляда на микроскопическое пространство как на океан электромагнитной энергии Релей просмотрел свою теорию в свете новых представлений, которые были более правильными.

Но вот что он говорил о этому поводу: «В электронной теории, которая предпочтительнее в любой точки зрения, включая легкость понимания!» Исключая легкость понимания! Старая теория показывала Релею любовь легкой! Запутанная, противоречивая, теория эфира была явнее кристально четкой максвелловской теории электромагнитного поля.

И это не удивительно. Упругую теорию ученый поставил в соответствие с опытом. Теория электромагнитных волн основана уже в старости. С теорией эфира он смился, она пропала его сознание, поэтому была ему более по сердцу. Но явный взгляд на мир ему казался неприглядным.

И это положение вещей объясняется не личностью Релея, а вообще особенностями человеческого мышления. Основные представления человек формирует в юные годы. Потом все новое проходит через фильтр уже сложившейся привычности, человек ощущает некое сопротивление материалам.

Что же удивительного в том, что перспектива перемен в современной теоретической физике не вызывает у ученых и не вызывает никаких представлений и образ мышления не так просто.

Настала пора, когда ученые вплотную приблизились к новому безумному скачку, подобному тому, который совершил в 1905–1916 годах физик в создании теории относительности и между 1923 и 1927-м — к появлению квантовой механики.

Настало время новых дерзаний. Знание подвиги, начинается очередной акт величия науки. В 1905–1916 годах физик совершил покорение новых сил природы и новые разочарования. Но и этот акт не последний, ибо процесс познания не имеет конца.

Валерия ГОРДЕВА. Фото М. МУРАЗОВА

БАГИРА ЗАЩЕЛКЕТ ВАМ БО...

Только на одну секунду выпустил он тигра из поля зрения. Для Багиры этого было достаточно. И вот уже голова человека в его пасти, а могучие объятия стискивают все теснее и теснее...

Инстинкт подсказал единственно верное решение — человек схватил зверя за «баки» и просунул голову еще глубже, там, что Багира уже не смогла сомкнуть челюсти. Давясь и задыхаясь, она теперь старалась избавиться от своей жертвы. Судорожно извиваясь, тигрица рвала тело человека костями...

Тан три года назад кончился дебют молодого укротителя Валеры Запашного. Двадцать шесть ран нанесла ему злобная и хищная Багира. Но это не остановило Запашного. Выйдя через полтора месяца из больницы, Валера продолжил готовиться к выступлению — он верил в успех: слишком много ума, сердца и нервов бы-

ло вложено в создание номера. Но порой Валера одолевал сомнения. Может, вернуться к акробатике? Ведь были и успехи и увальторенье...

— Выступают братья Запашные! — торжественно объявляла ведущий.

И по мгновению исплывавшие аплодисментал оми чувствовали, что их знают, любят, идут... А что скажет людям имя Валера Запашного-укротителя? Может быть, и не стоило за это братись! Но что сделаешь, если это мечта. Давай, с самого детства, когда еще на ралупом, с большим бантом, выбегал он на арену и делал первые традиционные кувырки! А чего стоило ему убедить старших товарищей и главным образом начальство в том, что это — его настоящие приважины!..

Не легко, ой, как нелегко доказать, что ты можешь и должен стать укротителем! За долгие годы существования цирка, казалось, уже все

было. Запашный знал, что заинтересовать может только оригинальней, в корне отянувшийся от других номер. И он думал, читал, наблюдал...

Постепенно вырисовывался будущий аттракцион. Валера захотел собрать самых разных представителей семейства кошачьих: в клетке вместе должны были работать животные, испокон веков ненавидящие друг друга: лев и тигр, рысь и пантера, леопард и пума... А ведь даже не все тигры хорошо относятся друг к другу: бенгалский, например, терпеть не может уссурийского. Муть не доглядит — и затевается драка...

Наконец закончена работа над сценарием, в котором до мельчайших подробностей описан будущий номер: поведение укротителя, трюки, оформление... Наконец, сценарий рассмотрен и одобрен, несмотря на скепсис некоторых оппонентов. Наконец выделена группа зверей для подготовки.

Как будто победил. Но это было лишь начало.

Едва живые привадили к человеку, едва у них стали вырабатываться нужные рефлексы, оказывается, что они тяжелее болыи. Ограничить веселее Запашный сам лечил их (попробуй найди доктор, который войдет в клетку и тигру), сам ухаживал за ними, словно за маленькими детьми. Завершались снова репетиции, снова похвалы. Наконец, дебют. И... подлое нападение Багрии, привезенной из-за границы, где она уже погубила нескольких человек...

Но потешивший цирковой артист не сдавался. Для этого действительно нужно было родиться укротителем. Вальтеру всегда казалось странным, когда посетовое очередное представление, за кулисы приходили взаимозависимые юноши и девушки:

— Хотим стать дрессировщиками!

— Воспитателями! — много попрашивали их. — У нас это называется так.

— Ну, воспитателями! — соглашалась, оми. — Свело ст и сил у нас хватит! Если бы все сводилось только к этому! Не было бы тогда ночей над книгами, над чертежами, над рисунками... Но они были, эти бессонные ночи. Их не могло не быть. Ведь укротитель столько обязан знатю. Он должен быть актером и инженером, зоологом и художником, медиком и спортсменом... А главное, у него должна быть страсть, проверенная годами и неудачами, страсть, которой нельзя изменить на саму себя.

И снова афиши! «Аттракцион «Среди хищников». Укротитель — Вальтер Запашный».

Что же это за аттракцион? На такой вопрос ответить не просто. Это надо видеть своими глазами.

Видеть, как покорно, словно работячий ослик, везет на себе царь зверей по имени Султан далающего крупопята Запашного... Как вес смеется во всю пасть, когда укротитель говорит ему на ухо что-то веселое...

Надо видеть, как делает прыжок покоренная Багрия, как весело бьет в барабан коварная рысь. Как Вальтер поднимает на плечи и с улыбой несет по арене Султана, в котором больше двухсот пятидесяти килограммов... Как звери танцуют вальс, а Запашный только покривляет:

— Виседей, ребята! Двадцать пять минут виртуозных трюков, мушкетеров, смеха, аплодисментов... Двадцать пять минут несгибаемого зрелища — не поединка человека со зверем, а нежной дружбы, мгновенного понимания, взаимного доверия...

Я видела крупные капли пота, которыми было покрыто лицо Вальтера Запашного, поднимающегося и себе после представления. Я видела, как тяжело он дышал, еще не сняв с лица улыбку. И понимала всю гущину мужества, которым обладает этот человек, понимала искренность его ответа на мой вопрос, сильно ли он готовит этот аттракцион:

— Больше трех лет плюс все мое искание...

Несколько минут отдыха, и Вальтер уже снова на арене начинается ночная репетиция. Отрабатываются старые трюки, разучиваются новые. В опустевшем цирке гулко звучит чуть охрипший голос:

— Жанна! Ко мне!

— Я тебе последний раз предупредила, Аммир!

— Ай, браво, Багрия! Ай браво!

Давно уже спит Москва. Давно спит та, кто видел сегодня Запашного. А он все репетирует: ведь завтра а цирк придут новые зрители. И они тоже не должны заметить, что в течение тех двадцати пяти минут, когда они смеются и аплодируют, Вальтер Запашный работает.

СРА НИЦА МАМЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

оля в неглубоком снегу, торчат редкие куты. Владимир-Суздальское озеро сливается с нею, и вместе они, как в неслучайном фильме Керриган, и только солнце малиново.

Где-то здесь, в зыбк полях под городом Судаль, происходит старинное чудо. Только стемнеет, и уже режут ветры: четкая «вертикаль» вылетает на снегу и поднимает осенней силы ветер. Суетятся люди в утках и куртках — форма полырки, летящая, а из автобуса выходит в легком туфлях прямо в снег стройная балетница девушка со шпательной в руках, в теплом капоте, сшитом по моде 1872 года, и бежит к саям. Там нетерпеливо топчется жучер Терешка, и беседует с козочкой Володей, которая приехала из Владимира на съезды «Метели» понадей, и дает историю наступления, как сделать тройку послушной. Потом в поле падает крылатая ракета одна за другой — свист. Котик поворачивает и останавливается над яновскими у покосившихся ворот с крестом наверху. Выглядит из саней высоко расправлено со шпательной, Терешка поддергивает его; семинт поодаль Дунашка с узлами, а им наперечуть уже бегут отставной корнет, эскамер Шинт «в усах и широках», и «милый лет» псевдифинансовый, поступающий «в улань».

«...Метель не утихла, ветер дует наверху, как будто силась оставить молодую преступницу. Он наскучу дожи...» писал Пушкин. Ветер поднимает буря. Рабочие едва успевают спать дровами, а в воздухе зловеще гудит «снег» — мелко жарыльные, тонкие бушаны.

Марья Гавриловна, Мама, кутается в

теплый капот, бежит мимо объектива киноапарата прямо к Владимиру Павловскому Басову — режиссеру-постановщику фильма «Метель», — и он объясняет ей, что нужно идти не спиная под ветром, идти прямо, откровенно, не замечая вымоги, снега, холода, ведь она решила...

И молодая актриса из Ленинградского студии Большого драматического театра имени А. М. Горького Ваята Гитова возвращаются и саям, и саям снова мчат ее в поле.

В это время Бурмина еще сидит в автобусе, греется, курит сигарету. Владимир Павловский готовит ей к «фуртунскому плану». Им легко разговаривать друг с другом: роль Бурмина исполняет Гера Мартынов — его, ноично, запомнил все, что видел кинофильм «Гитина», где Мартынов сыграл обязательный образ Кости.

— Понимаешь, — тихо говорит саям — сейчас ты Бурмина № 1, тот самый, который так великолепно мог согласиться обменяться с неизвестно кем из «фуртунского плана». Бурмина писал о состоянии Бурмина в эти минуты много, наловил, что-то меня так и чопил. Между тем метель не унималась, и на истериче привалов опять закармливать и поехал в сумку-бумажку, и в сумку-бумажку, и в сумку-бумажку.

Предвещание чего-то неясного. Нет, нет, нет Бурмина № 3, «в интересной ситуации» и даже метель, продрогавшей не своей виной. Служ об этой проблеме до самого января. Пушкин писал о состоянии Бурмина в эти минуты много, наловил, что-то меня так и чопил. Между тем метель не унималась, и на истериче привалов опять закармливать и поехал в сумку-бумажку, и в сумку-бумажку, и в сумку-бумажку.

«Там вдали за рекой разгараглас гроза, в небе ясном зря запыла...» поют молодые ребята песню первых дней революции. За окнами снег. Одрюченные дома. И над ними голые, графичные контуры куполов черной. «Сотни юных бойцов из буревосточных рот...» Басов слушает внимательно и как-то по-детски восторженно и все это еще больше заставляет удивляться: почему именно этот режиссер попал за столь несовершенную и надтертый взгляд небывало ему тучу? Режиссер, поставивший «Первые радости» и «Несоблюдение» зато, «Школу мушкетера» и «Случай на шахте № 69», «Вступая в путь» и «Гитина».

Можно сказать, что художественный инвентарий начинался с Пушкина. О «Пиковой даме» Москушкин, «Станционный смотритель», потрясавшего эпоху немой силой. Проходили годы. Нино вновь и вновь возвращалась к Пушкину. В эту прозаическую мы все чаще стали находить и чувствовало «красоту простоты» которой, дающая людям, чтобы проникнуть в душу гениального творения писателя.

Мне давно хотелось поставить «Метель» Пушкина, — отвечает Басов на мой вопрос. — Как интересно и ислад история «Метели», думал, зачем же столько времени терять на постановку Курьезных случаев! дворянина, начинтавшись французскими романами, убеждаясь в роковой ошибке, и не соглашусь обменяться с бедным, но горячо любящим Пушкина, и в черном, где его ядала Мама, пошел, где из-за метели, проезжал тускл. Их неслучайно обещали, и только тогда же

"METEL" "METEL" "METEL"

Пушкин предпочитал работать в деревне. «В своей звучное голос мирный, живее творческие сил...» — писал он.

Любля работать в деревне и Некрасов.

Господь, наоборот, ничего не мог писать в деревенской глуши. В Париже он шел в оном из самых шумных мест, с удивлением наблюдая из окна за бегущими воями провинциальной толпы. Одна из глав «Метели» души написана им в итальянском трактире «при невероятной шумке, безотчетно приглушен, в обрыве, в душной атмосфере».

«...Заблудилась удивительно сном и написала чужью главу, не сходя с места. Я считал эти строки одними из самых «блуждающих», — признался Александр Пушкин.

Маяковский не нуджался в уединение, постоянно писал на людях, в кафе, за керой на бильярд.

Это, конечно, не значит, что писатели, предпочитавшие уединенную обстановку для работы, не могли писать в иных условиях. Например, Пушкин сочинил песенку «Как в нежданный момент я врываюсь в комнату, беру судя он выступила с полным спокойствием, а был так искренно». Госпожи Мишу вскоре оправдалась от рабыни.

Ненее известно происхождение сюжета «Пармской обители». Он повчерпу повествованием старшей сестры Звончиины. Вот краткие эти рассказы. Они были написаны в приписку Ваводку Францески и не так много детей. У Ваводки был племянник Александр, ее любимец. Находясь под по-

кровительством дяди-кардинала, юнец вел беспутную, полную приключений жизнь. Однажды он похитил знатную римлянку и на два месяца продрогал ее на своей вилле. Служ об этой проблеме до самого января. Пушкин писал о состоянии Бурмина в эти минуты много, наловил, что-то меня так и чопил. Между тем метель не унималась, и на истериче привалов опять закармливать и поехал в сумку-бумажку, и в сумку-бумажку, и в сумку-бумажку.

Сюжет произведения «Ворские Годиное» Пушкин сочинил в уже во время ссылки в Михайловском. В это время несли судья. Лермонтов под арестом в петербургском Ордонан-

особенности творчества Стендаля было то, что он не придуывал свободнее свои произведения, а брал их, так сказать, в готовом виде из бытовых и литературных неочинков.

Сюжет «Красного в черном» да писателю прописан Ангела Верге в Гренобльском суде. Между судьбой и литературными неочинков, о многом тождестве. Все они баычно были бедных родителей, стремившихся оселеть наверху. Правда, прототип не столь благороден, как литературный герой. Верге был домашним учителем в семье Мишу. Он сблизился с госпожой Мишу и впоследствии шантажировал ее, угрожая убит, если она не поможет ему в его карьере. Он попал учителем в

богатую семью Кордонде, где в него влюбилась хозяйская дочь, был убит и отгуд. Вирте решил убит госпожи Мишу, ревнуя ее к новому владельцу. Он строил в ней и выгнал сам неуживо, застрелился. Притворно судя он выступила с полным спокойствием, а был так искренно». Госпожи Мишу вскоре оправдалась от рабыни.

Ненее известно происхождение сюжета «Пармской обители». Он повчерпу повествованием старшей сестры Звончиины. Вот краткие эти рассказы. Они были написаны в приписку Ваводку Францески и не так много детей. У Ваводки был племянник Александр, ее любимец. Находясь под по-

кровительством дяди-кардинала, юнец вел беспутную, полную приключений жизнь. Однажды он похитил знатную римлянку и на два месяца продрогал ее на своей вилле. Служ об этой проблеме до самого января. Пушкин писал о состоянии Бурмина в эти минуты много, наловил, что-то меня так и чопил. Между тем метель не унималась, и на истериче привалов опять закармливать и поехал в сумку-бумажку, и в сумку-бумажку, и в сумку-бумажку.

Стендала паре сат церковным деятелем, а на сплоте нет и римским впаой под именем Павла III (1521-1549).

Действие романа Стендаль переписан в Париж, где предприниматель Курьезных случаев! дворянина, начинтавшись французскими романами, убеждаясь в роковой ошибке, и не соглашусь обменяться с бедным, но горячо любящим Пушкина, и в черном, где его ядала Мама, пошел, где из-за метели, проезжал тускл. Их неслучайно обещали, и только тогда же

— У ТЕБЯ НЕ НАЙДЕТСЯ НЕМНОГО ВЕИ ЗНАИ?

КАК ПРИХОДЯТ НА СВИДАНИЯ...

РИСУНКИ В. ВАКСМАНА И В. СЕРЕБРЯНСКОГО

ОСТРОУМНЫЕ ОТВЕТЫ

Во время пребывания знаменитого драматурга Ибсена в Риме туда же приехали два шведских принца.

Шведский король приказал своему полку в Риме поздравить его именин с Ибсеном. Поезд устроил в честь принцев праздничный ужин, но, считая неудобным пригласить к обеду иезуитского поэта, послал Ибсена пригласительный билет только на последующий чай.

Ибсен вернул билет полку, написав на обороте: — Я никогда не пью чай.

Как-то любимый генерал короля Генриха IV Кривонос прислал королю письмо — образец краткого и святого стиля.

«Государь, три слова: Генрих ответил генералу: — Кривонос, четыре слова: ни того, ни другого.

Однажды труппа Мольера показывала «Гамлета».

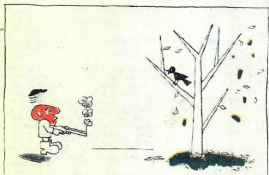
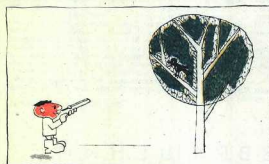
Актер, игравший Гамлета и весьма плохо знавший текст роли, выйдя на сцену и не зная, что должен говорить, обратился к Мольеру, игравшему Полония, с не предусмотренной в пьесе репликой:

— Полоний, — спросил он, — что здесь происходит, неужели отец об этом узнает?

— Не извольте беспокоиться, принц, — громко ответил Мольер, — вышше отравлен еще до начала спектакля.

Первая страница ослонки: молодая ба-летная семья — Екатерина МАКСИМОВА и Владимир ВАСИЛЬЕВ. Очерк о них читайте на стр. 8-10.

Фото М. МУРАЗОВА

ВЕС СЛОВ.

— А У ЖИРАФА ТОЖЕ ВЕСУШНИКИ?

РИСУНОК О. ТЕСЛЕРА

ВЕС СЛОВ

РИСУНОК Д. БЕЛОВА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 6-61-63; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-63; мемориальной выставки — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-07; письма — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, К. И. Замощин, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], В. А. Кочетов, Б. П. Кравский [ответственный секретарь], Е. И. Рабчинов, А. Б. Стунов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление О. Безухова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 00402.

Тираж 1 000 000 экз.

Заказ № 1287.

Подписано к печати 23/IV 1964 г.

Изд. № 968.

Формат бумаги 70X108/8.

2 бум. л. — 5,48 бум. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24.

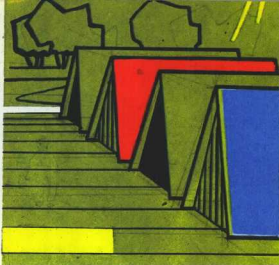
К

ольна сидел во дворе и мастерил рогатку. Солнце уже низко-низко раз заходило его в тень дома, но усердный труд увенчался наконец успехом. Кольца отставили шагов на десять бутылку, разбил ее с третьего раза и стал стрелять по движущимся целям. В пробегавшую мимо джунгли не попал, зато соседскую кошку сразу зажал в спущенное окно. Уандея зорбыла на крише, Кольца осторожно поднял рогатку, что было сил натянул резину и, не замечая неловкости по уаще грузовина, ринулся за добычей... Шофер резко повернул в сторону. В уаще забился лязг железа о бетон, звон обшалоющегося стекла, хрип мотора...

— Случай из ряда вон выходящий. В доменуравлении плохо поставлена воспитательная работа среди детей — сделала вывод начальники ИЖЭ. Управдом и «общественники» сидели, поучая головы. — У меня конкретное предложение: выделить людей из домкома и раз в неделю будем проводить с родителями беседы о воспитании. Есть другие предложения?

МОСТИК «КРОКОДИЛЬ».

ГАРАЖ — СТОЯНКА ДЛЯ ДЕТСКИХ ВЕЛОСИПЕДОВ.

ПАРОВОЗ С ВАГОНЧИКАМИ.

ПЛОЩАДКА ДЛЯ МАЛЫШЕЙ.

«ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ»

Есть Комсомольцы института благоустройства и озеленения Москвы, которые руководят молодой специалист Анатолий Савин, рекомендуют построить в каждом дворе «обитаемый остров». Вот примерно так. Архитекторы Инна Климова, Николай Мельников, Александр Байлов, Елена Кольданава рассказывают:

Проектируя детский городок, мы представляли его себе глазами детей, неистощимых выдумщиков и неистовых искателей приключений. Нам очень хотелось, чтобы будущие хозяева «обитаемого острова» — независимо от возраста и интересов — нашли здесь занятия по душе. В таном дворе ребята играют и трудят, постигают законы товарищества, да и сама обстановка будет немало способствовать их эстетическому воспитанию. А оборудовать его могут сообща комсомольцы, родители, общественный совет двора.

...Маленьким детям девятого квартала Новых Черемушек некогда сидеть в своем дворе. Здесь есть бассейн, лесочки под затейливыми грибами, шведские лесенки, убитые зеленью декоративные беседки, качели, бревна для лазанья, маленькие турники, площадки... А какой сад! Вместе со взрослыми его закладывали, а теперь ухаживают за ним сами ребята. Создавали этот детский мир швефы детей, люди разных профессий — столяры, буфетчики, плотники, штукатуры, сварщики, продавцы — по плану, разработанному в штабе ИЖЭ № 19 Октябрьского района.

Создайте такой «обитаемый остров» в своем дворе и увидите, что выращенные «улица портит» во многом утратит свой недобрый смысл.

Ю. ЕГОРОВ

ПЛАН ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКИ.

ПЛОЩАДКА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВИЛ УЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820